

ОТ АВТОРА
ГРОЗОВЫХ ВОРОТ

Александр Тамоников

Милицейский спецназ

Тамоников. Честь имею

Александр Тамоников
Милицейский спецназ

«ЭКСМО»

2005

Тамоников А. А.

Милицейский спецназ / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2005 — (Тамоников. Честь имею)

ISBN 5-699-19879-2

Слова: долг, честь, совесть — для него не пустой звук. Бывший офицер-"афганец", а ныне старший инспектор ДПС старший лейтенант милиции Владимир Кузьмичев всегда твердо стоял на страже закона. Ни взятки не брал, ни богатства не нажил. Только наступили новые времена, и оказался Кузьмич белой вороной. А что творится вокруг: наркоторговля, проституция, рэкет... И заправляет всеми грязными делами в небольшом городке не кто иной, как сынок главы местной администрации отморозок Фома. Ни закон ему не писан, ни управы на него нет: все перед всеильным папашей на задних лапках ходят. Тогда Кузьмичев решил: хватит, пора вывести бандитскую нечисть на чистую воду. А боевого опыта спецназовцу не занимать...

ISBN 5-699-19879-2

© Тамоников А. А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Тамоников

Милицейский спецназ

*Того и называют подлецом,
Чья задница становится лицом!*
Григорий Стернин

ГЛАВА 1

Мелкий моросящий дождь накрыл Горинский район к вечеру. Весь день плывущие с юга тучи наконец разродились влагой. И все бы ничего, если бы не ветер. Он превращал теплый дождя августовский вечер в ненастные сумерки осени.

Старший лейтенант Кузьмичев Владимир Кузьмич, облокотившись о капот служебного автомобиля и накрывшись плащ-накидкой, смотрел на дорогу. Трассу, ведущую в Горинск из соседней области. Иногда закуривая и пряча сигарету в кулаке под накидкой. Машина стояла на выезде с проселочной дороги, капотом выступая на обочину. Сержант Максим Губин читал в салоне своего незабвенного Чейза, произведениями которого буквально упивался. Кузьмич не мешал молодому напарнику. Пусть читает. Это не самое плохое дело в жизни.

Старший лейтенант отошел от автомобиля, прошелся по обочине. С левой и правой стороны дороги под резкими порывами ветра шумел кустарник, скрывающий своими ветвями довольно крутой кювет. Инспектор дорожно-патрульной службы подумал: надо бы вырубить кустарник, сколько уже водителей разных машин на этом участке, останавливаясь по нужде, сваливались в придорожные канавы, просто не замечая кювета. Но кому до этого было дело? Сам Кузьмич писал рапорты, но их аккуратно подшивали в папку, и на этом все заканчивалось. То же самое и с предупреждающими знаками. Дорожники местной передвижной механизированной колонны в трех местах на дистанции в пару километров разлили битум, намереваясь в дальнейшем покрыть заплаты асфальтом. Но что-то там у них вышло из строя, асфальтовый завод, что ли? И полосы битума так и остались на дороге. В сухую погоду это опасно-сти не представляло, а вот в дождь такие участки превращались в сплошной каток, похлеще любого гололеда, лишая колеса автомобиля сцепления с дорогой и запуская в неуправляемый ход. А предупредительных знаков не выставили. Хотя ограничения скорости до пятидесяти километров в час ввели. Но и на пятидесяти километрах при резком торможении водитель лишался управления. А рядом кювет, заросший кустарником. До беды, большой беды недалеко. Поэтому сегодня Кузьмичев и решил встать здесь. Его фигура, видимая издали, до начала опасного участка, заставит лихачей снизить скорость, а с ней и вероятность аварии.

Дождь немного усилился, зато заметно стих ветер. Поправив под плащ-накидкой штатный автомат «АКСУ-74», радар и светящийся жезл, старший лейтенант вышел на асфальт. В Москве, говорят, новую форму вводят. Пока в Москве и области. Потом, понятно, переоденут и всех остальных сотрудников ГИБДД, но это, скорее всего, уже без него, Кузьмича. Старшему лейтенанту служить осталось совсем немного до конца месяца. Потом дембель. Третий за не такую уж и длинную жизнь. В июле Кузьмичеву стукнуло сорок пять лет. Двадцать семь из них он отдал службе. Сначала в армии, потом в милиции.

Кузьмич закурил очередную сигарету. Обычно на дежурство он брал две пачки «Примы». Это было много. Но зато дома, вне службы он курил редко. В последнее время память Кузьмичева все чаще возвращала его в детство, юность и боевую молодость. И объяснить сей факт старший лейтенант не мог. Вроде не старый еще, чтобы предаваться воспоминаниям, но тем не менее...

Воспитывался Володя в детском доме, потеряв родителей в двухлетнем возрасте. Нелепый случай, как он узнал позже, лишил Кузьмича семьи. Они жили в небольшой деревушке тогда еще Горьковской области, в лесу. Как и все односельчане, родители Володи, как только вызревала черника, выходили на сбор ягод. Вышли они на этот промысел и летом 1959 года. Уж как получилось, неизвестно, но отец с матерью заблудились и попали на болото. Попытка выбраться на твердую землю закончилась трагедией. Топь поглотила их, оставив на поверхности лишь зеленый материнский платок, который потом дед Егор привез Володьке в детский дом и с которым вот уже тридцать восемь лет Кузьмич никогда не расставался. Этот дед и поведал семилетнему Кузьмичеву историю гибели его родителей. Тогда он воспринял это спокойно. Может, оттого, что не помнил ни отца, ни матери, или своих забот хватало. Детский дом – не пионерский лагерь. Годы жизни сложной, далеко не безоблачной. Жизни, когда утверждаться в ней приходилось на десяток лет раньше сверстников, живших в семьях. Как завидовал Владимир пацанам и девчонкам, проходившим мимо их дома с родителями! Они шли в уютные квартиры, получали заботу и тепло. Им не нужно было ложиться спать по команде на жесткие солдатские кровати, накрываясь казенным одеялом и складывая такую же, пахнущую каким-то особым запахом, казенную одежду. И их не душили ночами слезы. Слезы жалости к себе и обиды на всех за свою казенную судьбу.

Кузьмичев вздохнул, стряхивая пепел.

Да, тяжело ему было в детском доме. Тяжело. Но, как говорится, ничто на земле не проходит бесследно, и каждая монета имеет две стороны. Трудности, которые пришлось преодолеть Володе в детском доме, рано закалили не только тело крепкого мальчишки, но и его характер. В пятнадцать лет он уже знал, что такое настоящая дружба, умел различать людей, считал порядочность и верность данному слову – законом, ненавидя ложь, предательство и подхалимство. А главное, в свои пятнадцать лет Володя Кузьмичев четко осознал, что никто и ничего ему на блюде не преподнесет и всего в жизни придется добиться самому. Он занялся спортом, классической борьбой, считая этот вид спорта одним из самых честных. Классика не допускала приемов с использованием всевозможных подножек, подсечек, болевых захватов, выявляя победителя по силе и ловкости. Затем к борьбе прибавился бокс. Володя участвовал во многих соревнованиях за родной детский дом и добился того, что к семнадцати годам выполнил первые разряды по обоим видам спорта.

Проблемы, кем быть, перед Кузьмичевым не стояло. Он твердо решил связать свою жизнь с армией. Оформил документы для поступления в Московское общевоинское училище. Но не прошел по конкурсу. Не хватило знаний. Это был первый удар во взрослой жизни Кузьмичева. Ему советовали обратиться к начальнику училища за разрешением пересдать один из экзаменов, за него готов был хлопотать начальник кафедры физической подготовки и спорта, но Владимир отверг предложение. Он не хотел быть зачисленным благодаря чьему-то вмешательству извне или пользуясь теми льготами, которые в то время имел как воспитанник детского дома. Гордость не позволила. Он остался в столице, поступив в профессионально-техническое училище. А после его окончания, получив специальность «слесаря по ремонту автомобилей и водителя категорий «В» и «С», был призван в Вооруженные силы тогда еще Советского Союза. По всем параметрам служить бы Кузьмичеву где-нибудь в автобате или рембате, но, оценив его физические данные, Владимира определили в воздушно-десантные войска. Срочную службу он проходил в Узбекистане, в Фергане. В 1979-м поступил в школу прапорщиков, откуда опять вернулся в родной парашютно-десантный полк старшиной роты. А тут грянул и Афганистан. И для прапорщика Кузьмичева началась другая жизнь, именуемая войной...

Мысли Кузьмича были прерваны окриком сержанта из патрульной машины:

– Кузьмич! И не надоело тебе на шоссе столбом торчать? Иди в тачку, вымок же весь, наверное?

Старший лейтенант отмахнулся:

- Сиди, где сидишь! А я еще на свежем воздухе побуду!
- Странный ты, Кузьмич! И вправду мужики из отдела говорят, чудака-человек!
- Это точно! А у тебя что, книжка закончилась?
- Угу! Классная вещь! И умеет же писать этот американец!
- Чейз – англичанин!
- Откуда знаешь?
- Знаю!
- А чего ж он об Америке пишет?
- Это ты у него спроси!
- Ага! Спросишь! Но пишет обалденно! Наши так не могут.

Кузьмичев улыбнулся:

- А ты наших-то читал?
- Читал!
- Кого?

– Не помню! Но читал. Только у нас в натуре все круче, чем в книгах, хотя и в романах есть такое, что стошнит.

- Ладно, Максим, закройся!

– А чего? И, вообще, чего ты такой молчаливый, Кузьмич? Как бирюк!

– Какой есть! Короче, не закроешься, на улицу выведу, будешь рядом со мной службу тянуть!

– Понял! Молчу! Я уж лучше в салоне вздремну, один черт никого на трассе. Ты, если что, по капоту стукни, ладно?

- Ладно!

Сержант удобнее устроился на сиденье водителя служебной «Волги», опустив немного спинку назад. Через полукрытое боковое окно донеслась тихая мелодия.

Кузьмич вновь оперся о капот машины.

Слева горизонт замерцал зарницами. Вскоре показался пока еще сведенный в одну точку свет фар. Сквозь пелену дождя эта точка разбрызгивалась разноцветными лучами крошечного салюта. Какой-то автомобиль приближается к передвижному посту. И приближается быстро. Вот уже фары видны отдельно.

Навстречу шел легковой автомобиль. Кузьмич вытащил из-под плащ-накидки радар, ударил ладонью по капоту «Волги», заставив Губина встрепенуться. Старший лейтенант описал согнутой в локте рукой круг, что означало распоряжение водителю патрульной машины включить маяки световой сигнализации. Мачта начала переливаться красно-синим ярким светом, не увидев который водитель приближающейся машины не мог. И тут же старший лейтенант навел на свет фар радар. Цифры высветили скорость в 82 км/час, замерев на этой отметке. Кузьмич мог бы зафиксировать скорость нарушителя, но не стал делать этого, сознательно давая тому плавно притормозить. Но машина скорость не сбросила. Опустив радар, Кузьмичев выставил в сторону светящейся жезл, сделал отмашку, приказывая лихачу остановиться. Тот выполнил требование инспектора, остановив машину метрах в двадцати от Кузьмича.

Старший лейтенант, сбросив капюшон и поправив фуражку, пошел к «ВАЗ-2109». Из его салона вышел молодой мужчина, согнувшись под струями дождя.

Кузьмич, как положено, представился:

– Старший инспектор дорожно-патрульной службы старший лейтенант Кузьмичев! Пройдемте к вашей машине и приготовьте документы к проверке.

Мужчина протянул портмоне:

- Они у меня с собой!
- Пройдемте к машине. Вы едете один?
- Да. А в чем, собственно, дело?

– Я вам все объясню.

Они сели в «девятку». Кузьмич показал водителю цифры дисплея радара:

– Вы превысили скорость! Но сначала давайте разберемся с документами.

Посмотрев паспорт технического средства, удостоверение на право управления автомобилем, талон прохождения технического осмотра, он вернул бумаги водителю.

– С документами порядок! Вернемся к нарушению. Повторю, вы превысили скорость на 32 километра.

Водитель попытался изобразить изумление:

– Но позвольте, инспектор, насколько мне известно, правила дорожного движения устанавливают скорость вне населенных пунктов до девяноста километров в час, а ваш радар показал восемьдесят два. В чем нарушение?

Кузьмичев посмотрел на нарушителя. Вдохнул, терпеливо объяснив:

– Нарушение в том, что на этом участке, от окраины леса до поворота на объездную дорогу, ограничение в скорости составляет пятьдесят километров в час, о чем предупреждает дорожный знак, установленный на границе участка.

– Не видел я никакого знака!

– А вот это плохо! Значит, к тому же машину ведете невнимательно.

– Да не было никакого знака!

– У нас есть возможность убедиться в обратном. Разверните автомобиль и проедем до леса, я покажу вам знак.

Водитель ударил ладонью по рулю.

– Ну, хорошо! Верю! Но я его, честное слово, не видел.

– Как не видели и сигналов проблесковых маяков патрульного автомобиля?

– Сигналы видел!

– Почему же не начали снижать скорость?

– Я снижал, ведь остановился же! Только резко этого сделать не мог, дорога, сами видите, мокрая!

– Вижу! Я фиксировал вашу скорость. И хватит лгать, не люблю я этого. Сдайте машину к патрульному автомобилю, будем составлять протокол.

Водитель посмотрел на Кузьмича:

– Командир! А может, обойдемся без протокола? Нет, я не против заплатить штраф, но на все эти проволочки с протоколом уйдет время, а я спешу, мне еще до Переславля пилить. Вот полтинник, инспектор! Разойдемся?

– Нет, не разойдемся! И уберите деньги! Вы же не хотите, чтобы я вас задержал за попытку подкупа должностного лица при исполнении служебных обязанностей!

Мужчина хмыкнул:

– Как хотите! Не хотите пятьдесят рублей, ничего не получите. И даже при том, что я действительно нарушил правила, предупреждаю, протокол не подпишу. И вы ничего не докажете.

– Как сказать. Последнее время нарушители стали наглее, так что приходится и нам прибегать к маленьким хитростям.

Водитель поднял на инспектора настороженный взгляд:

– О чем это вы?

– О диктофоне. Знаете, есть такие компактные и очень чувствительные приборы? Так что весь наш разговор записан на пленку. Можете не подписывать, от ответственности вам все равно не уйти, это я гарантирую. Сдавайте машину назад.

– Ну, и... служители порядка!

Он, видимо, хотел еще что-то добавить, но сдержался, вероятно, помня о диктофоне. Завел двигатель, включил заднюю передачу, рывком тронулся назад. Перед «Волгой» так же резко остановился.

Кузьмич вышел из «девятки». Из служебной машины показался и сержант Губин. Старший лейтенант указал на водителя:

– Максим, оформи протокол о превышении данным гражданином скорости на тридцать два километра в час. Штраф по максимуму. Особо отметить, что водителем инспектору была предложена взятка в размере пятидесяти рублей!

– Понял! Прошу, молодой человек, в гости!

Сержант распахнул дверцу «Волги». Водитель «девятки» сел в патрульный автомобиль.

Кузьмич осмотрел дорогу. Она была темна и пуста. Закурил очередную сигарету.

Вскоре сержант отпустил водителя. Тот вышел, скомкав свой экземпляр протокола в карман легкой куртки. Проходя мимо Кузьмича, бросил на старшего лейтенанта злобный взгляд. Кузьмич спокойно выдержал его. Мужчина прошипел:

– Счастливого отторчать у кювета дежурство, старлей!

– Доброго пути! Совет на прощание, не нарушайте правила дорожного движения и не пытайтесь выставить себя умнее других. Это далеко не соответствует действительности.

Водитель, садясь в «девятку», больше ничего не сказал и тронулся плавно, удаляясь от временного поста дорожно-патрульной службы.

Губин высунулся из «Волги»:

– Кузьмич?

– Ну?

– Чего это ты его по полной? Да еще с этой взяткой?

Старший лейтенант вместо ответа сам спросил:

– Он подписал протокол?

– Да! Но только в части признания нарушения правил.

– И это хорошо! А наказал я его за наглость! Чтобы к тебе относились по-человечески, сам будь человеком! Понял?

– Понял!

– Вот и молодец! Выключай мачту и продолжай дремать, пока я добрый!

Сержант отключил световую сигнализацию.

Вокруг сразу стало темно. И только капли мелкого дождя, немного сменившие наклон, следуя направлению слабого ветра, упрямо били в лицо. Кузьмич набросил на фуражку капюшон, встал против ветра.

Мысли вновь унесли его в прошлое.

Итак, в декабре 1979 года в Афганистане было свергнуто правительство Амина, и ограниченный контингент советских войск перешел границу с южным соседом, встретившим своих «друзей» плотным огнем многочисленных перевалов и «зеленок». Парашютно-десантный полк, в котором «за речкой» служил Кузьмич, дислоцировался в Баграме. Подразделения части совершали рейды в близлежащие ущелья, откуда практически непрерывным потоком духами было налажено снабжение своих боевых отрядов оружием, боеприпасами, медикаментами в полевой госпиталь душманов. И в большинстве случаев им, этим подразделениям, приходилось вступать в бои. Но главной занозой для полка являлся мост через Панджшерку и дорога через близлежащий кишлак, разбросавший свои двадцать – двадцать пять глиняных домов вокруг на склонах холма, на вершине которого красовалась мечеть. Там, у кишлака на развилке двух дорог, правой от Баграма, ведущей в ущелье, и левой, уходящей в «зеленку», на блокпосту, роте, в которой прапорщик Кузьмичев был старшиной, часто приходилось нести боевое дежурство, блокируя и кишлак, и выходы из «зеленки», и ущелье.

И не было ни одного случая, когда дежурство проходило спокойно. Днем ничего, из амбразур поста наблюдались лишь мирные дехкане, нагруженные под завязку ослы. И надрывной вой муэдзина с минарета, через определенные промежутки времени, призывающего правоверных к очередной молитве. Днем было тихо. Мирный кишлак, мирные жители, обычные

грунтовые дороги, горы, зелень. Летом жарко и пыльно, зимой – холодно и мерзко. Ночью же вместе с климатом преображалась и вся территория ответственности советского блокпоста. Ночью духи начинали работу. Из ущелья, от брошенного, разрушенного, находящегося чуть в стороне кишлака били минометы, имея своей целью командный пункт дивизии, аэродром и полевой госпиталь. Их огонь был малоэффективен, впрочем, как и ответные удары дивизионной артиллерии. Появлялись моджахеды и в Баграмских степях. Но все эти движения носили больше характер отвлекающего маневра. Основной задачей духи имели уничтожение блокпоста русских и захват моста. Блокпосту, или стрелковому полевому сооружению (СПС), представляющему собой обычный крупный афганский дом, когда-то захваченный штурмом, укрепленный огневыми точками, траншеями, блиндажами, доставалось неслабо. Его, как правило, духи атаквали с трех направлений, наваливаясь живыми волнами, заставляя раскаляться стволы стрелкового оружия, скорострельных пушек боевых машин десанта или крупнокалиберных пулеметов бронетранспортеров. Но и душманы несли значительные потери. Сбить десантников из укрепленного пункта было не так просто!

В этой кровавой мясорубке погибали не только афганские моджахеды и их пакистанские союзники. Смерть своими холодными щупальцами вырывала из строя и наших ребят. И, что самое обидное, не всегда во время боя. Случались курьезные случаи. Один из таких произошел где-то в конце мая 1981 года. Тот день как обычно был душным, надоедливо знойным. Рота в определенное время вышла из расположения полка, следуя на блокпост. Головную боевую машину десанта вел недавно прибывший из учебного подразделения механик-водитель рядовой Вячеслав Коренев, уроженец города Переславля. Будущий земляк Кузьмича, о чем тогда старшина роты еще не знал. Коренев вел машину уверенно. Десант обосновался на броне. На головной машине следовали и командир роты со своим старшиной. Со стороны духов никакой пакости ожидать не приходилось. Все же еще вовсю светило солнце, да и близлежащая к дороге местность просматривалась достаточно хорошо. Однако сюрприз колонну ожидал. И показался этот сюрприз за первым же изгибом грунтовки в виде стоящего на обочине блестящего прямоугольного предмета. Чуть позже стало видно, что предмет, так неожиданно оказавшийся на пути, был двухкассетным переносным магнитофоном «Шарп». Надо отметить, что эти «Шарпы» пользовались огромным спросом у военнослужащих. Таких магнитофонов в Союзе того времени не продавали, разве что в валютной «Березке», и стоили они прилично, а на черном рынке вообще бешеные, по тем меркам, деньги. Так что двухкассетники являлись предметом вожделения как солдат, так и офицеров, особенно молодых, недавно прибывших «за речку». Купить их было можно, но сложно, и тем сложнее, чем дальше от крупных торговых центров Афганистана дислоцировались войсковые части. А тут на тебе! Стоит этот сверкающий «Шарп» на обочине. Бери, не хочу! Ясно было, что под магнитофон замаскирована минная ловушка, и Кузьмичев уже вскинул автомат, чтобы расстрелять «подставу», но рядовой Коренев резко остановил БМД. Настолько резко, что десантники чуть не посыпались с брони. А сам механик-водитель, выскочив из люка, с криком: «мое!» – ринулся к заминированной «пустышке». Вслед закричали – стой, дура! Куда? Стоять, мутила! Но Коренев ничего не слышал. Он продолжал бежать к магнитофону. На секунду все оцепенели, прекрасно осознавая, ЧТО последует дальше. И только Кузьмич, мгновенно сориентировавшись, бросился вдогонку за потерявшим голову первогодком. Ротный крикнул: «Старшина, в сторону!» И дал очередь вдоль обочины. Это сейчас Владимир понимал, что капитан хотел ударить из автомата по ногам беглеца, все же ранение, не смерть. Но тогда перед Кузьмичевым стояла одна-единственная задача – догнать молодого солдата. Не дать ему погибнуть! И он бежал. Настолько быстро, как еще никогда не бегал. Но все же не успевал. И только когда до магнитофона-мины осталось метра три, а боец опережал прапорщика на метр, Кузьмич прыгнул. И ему удалось вытянутой вперед рукой зацепить ногу Коренева. Споткнувшись, рядовой покатился по щебню. А Владимир, вскочив, прыгнул повторно и на этот раз накрыл солдата своим телом. Накрыл, когда до

смертоносного «Шарпа» оставалось пара десятков сантиметров. Уж какими словами наградил старшина рядового, память не сохранила, но то, что выражений Кузьмич не жалел, точно. А боец смотрел на прапорщика непонимающими глазами и твердил: «Магнитофон мой!»

Подошел командир роты. Коренева отвели к машине. Капитан закричал на механика-водителя: «Магнитофон захотел, мудака? «Шарпом» на халяву обзавестись? Как тебя, полудурка, инструктировали? Что я вдалбливал в твои мозги? – Ротный несколько раз ударил пальцем по лбу солдата. – Разве я не предупреждал о ловушках? А, десантник ты хренов? Не говорил о том, что духи специально выставляют всякие магнитофоны, приемники, игрушки, заминировав их? Говорил или нет?»

Коренев, опутив голову, молчал.

Капитан вскинул автомат, выстрелил в сверкающий на солнце двухкассетник. Раздался взрыв. На месте, где свою жертву поджидал заминированный «Шарп», поднялось черное облако, взвизгнули осколки и образовалась небольшая воронка.

Командир роты, доложив командованию о причине остановки колонны, умолчав при этом о поступке подчиненного, приказал продолжить движение. Боевые машины десанта пошли вперед. Это был первый случай, когда Кузьмич спас Коренева от неминуемой смерти. Был и второй случай, но позже. А тогда, во время наряда, который прошел на редкость спокойно, Коренев лишь бросал благодарные взгляды на старшину роты...

И вновь старшего лейтенанта ДПС вернули из прошлого фары приближающегося грузовика. Фуры, судя по габаритным огням, к тому же гостей с Кавказа, скорее всего, из Дагестана. На это указывали многочисленные светящиеся гирлянды, украшавшие тент полуприцепа, видимые издали даже в условиях плотной дождевой завесы.

Инспектор не ошибся. К нему действительно приближался «КамАЗ» с полуприцепом. Как и в первом случае, Кузьмич навел на автопоезд радар.

Тот шел в пределах допустимой скорости, но Кузьмичев решил остановить автомобиль.

Он перешел дорогу. Сержант, услышав рев двигателя «КамАЗа» (видимо, у того были проблемы с глушителем), включил проблесковые маяки сигнальной мачты.

По приказу инспектора «КамАЗ» плавно затормозил и остановился прямо напротив «Волги», аккуратно объехав Кузьмичева. Инспектор отметил на номерных знаках цифры «05», указывающие на то, что автопоезд на самом деле был зарегистрирован в Дагестане.

Из кабины «КамАЗа» выпрыгнули два человека. Они сразу направились к старшему лейтенанту.

Кузьмич представился, попросил предъявить права и путевую документацию. Один из дагестанцев, который был за рулем, выполнил требование офицера милиции, проговорив:

– Э, начальник, нас на большом посту уже смотрели. Груз, бумаги проверили, в журнале зарегистрировали. Да и правил мы не нарушали.

Кузьмичев утвердительно кивнул головой:

– Что правда, то правда, правил вы не нарушали. Но остановить вас я был просто обязан. И не потому, чтобы продублировать работу коллег, а для того, чтобы предупредить – впереди участок скользкой дороги. В некоторых местах разлит битум, а во что превращается дорога при данных условиях, сами знаете.

– Ай, знаем, конечно! А зачем предупреждающий знак не поставили?

Старший лейтенант ответил кратко:

– Не успели!

– Понятно!

Разговаривая с водителем, Кузьмичев подошел к кабине. Через лобовые стекла и приоткрытые шторки спального он заметил какое-то движение.

Включил рацию:

– Пост! Я – третий! Прошу ответить!

– Слушаю тебя, Кузьмич! – ответил голос прапорщика Пахова, товарища Кузьмичева по службе, одного из нескольких в Горинске.

– Вы автопоезд из Дагестана недавно досматривали?

– Да, а что?

– Ребята с Кавказа ехали одни?

– Одни! Но после проверки они остановились у кафе, что рядом с заправкой. Где-то с час там стояли. А что, Володя, проблемы какие?

– Все нормально! Конец связи.

Переключив прибор связи на «прием», Кузьмичев посмотрел на водителя. Спросил:

– Пассажира везете?

Дагестанцы переглянулись. Тот, кто управлял автопоездом, ответил:

– Ай, один женщин попросил до Василькова подбросить. Как было отказать?

– Конечно! Да еще в такое время! А ну-ка посмотрим, кто это такая смелая решилась на путешествие с незнакомцами.

Он кивнул водителю:

– Скажи даме, чтобы вышла из машины!

– Ай, инспектор, может, он уже спит?

– Ты плохо понял меня, джигит?

Дагестанец цокнул языком, открыл дверцу кабины, крикнув в салон:

– Эй, девушек! Выходи!

Из кабины слышалось капризное и полупьяное:

– А че такое? Кому какое до меня дело?

Водитель повысил голос:

– Выходи, говорят! Милиция хочет тебя смотреть!

– Вот тоже домotalись. Сейчас! Иду!

Вскоре на мокром асфальте оказалась размалеванная девица в короткой, почти до трусов, мини-юбке, паре черных капроновых чулок, курточке из кожаменителя и майке с разрезом, из которого разве что соски не были видны. Вся остальная грудь снаружи. Кузьмичев узнал даму. Перед ним стояла Елена Коровина, плечевка – дорожная проститутка, более известная в Горинске под погонялом Ленки-Кормы. Это прозвище девица заимела, судя по внешнему виду, благодаря своим пышным формам, особенно тем, что расположены ниже уровня, именуемого талией, каковой проститутка просто не имела.

Старший лейтенант воскликнул:

– Знакомые лица! Елена Александровна Коровина собственной персоной! Позвольте узнать, уважаемая, за каким чертом вас в ночь понесло в Васильково?

Проститутка огрызнулась:

– А тебе какая разница?

– Большая! А ну-ка, отойдем в сторону!

И обратился к дагестанцам:

– Можете продолжить движение!

Кавказцы вновь переглянулись.

Водитель заметил:

– Это, начальник, женщин-то как?

– А женщина, ребята, останется здесь! Или вы уже заплатили кому-то за ее интимные услуги в дороге? Скажите, кому и сколько, может, отпущу даму с вами!

Дагестанец сплюнул на асфальт:

– Ай, кому платили? За какие такие услуги? Подвезти хотели, сама просился.

– Ну, а тогда что вам за забота? Не подкалымили? Не беда! Днем собьете свой полтинник!

– Я... – процедил водитель, не торопясь воспользоваться предоставленной свободой действий.

Кузьмичев повысил голос:

– Вы так и будете продолжать мозолить мне глаза или все же поедете? А то, может, груз по-новой проверим?

Дагестанцы направились к машине.

Коровина двинулась следом.

Старший лейтенант остановил девицу:

– А ты куда?

– Куда-куда? Туда! Вещи у меня там остались! Не дарить же дагерам, раз так вышло?

– Ну-ну!

Проститутка приняла брошенный из кабины целлофановый пакет, в котором находились вещи – неотъемлемые атрибуты ее профессии.

«КамАЗ» резво взял с места и через минуту его габаритные огни и свет гирлянд слились в одну мерцающую в пелене дождя точку.

Кузьмич повернулся к Коровиной.

– Теперь идем в нашу машину.

Размалеванная физиономия проститутки изобразила кривую усмешку:

– Решил сам позабавиться? С напарником своим? На дармовщину вы все ловкие. Куда там!

Старший лейтенант оборвал девицу:

– Рот закрой! И думай, если есть чем думать, с кем разговариваешь. А то я тебе быстро мыльник с прохладным душем организую!

– Чего еще от вас, ментов, ждать?

– Может, ты еще и мусорком меня назовешь? А? Ну-ка, попробуй!

– И че будет? В морду дашь?

– Нет! Не в моих правилах бить женщин, кем бы они ни были. А вот на пятнадцать суток оприходу! Так что осторожней в выражениях! Я тебе не клиент! Следуй за мной!

Кузьмич с Коровиной подошли к «Волге», из которой вышел Губин. Сержант расплылся в улыбке:

– Да у нас гости? Что, Корма, попала?

Проститутка огрызнулась:

– Ты еще мне мозги посношай! А то начальника твоего мало!

Слова Коровиной заделали молодого сотрудника милиции:

– Ну ты, плечевка вонючая! Повякай мне еще...

Старший лейтенант строго взглянул на подчиненного:

– Губин! Прекрати! Шагай на дорогу, пока я тут с дамой побеседую! Да оружие не забудь!

Сержант, приняв от старшего лейтенанта радар с жезлом и закрываясь от дождя, как ранее Кузьмич, плащ-накидкой, отправился на обочину. Кузьмичев же с Коровиной устроились на заднем сиденье. Девица, заголив полные ляжки, отвернулась к окну. Кузьмич достал из кармана чехла переднего сиденья полотенце, кинул его на колени проститутки.

– Прикройся!

Та ухмыльнулась:

– А че? Возбуждает?

– Ага! Дубинку, что впереди лежит!

Коровина, накрыв ноги, вновь отвернулась к окну.

Кузьмич закурил, проговорив:

– То, что ты пашешь на Урода, ясно! Мне интересно, какое отношение к вашему бизнесу имеет Фома.

Девушка повернулась к инспектору, довольно неумело изобразив удивление:

– Какой еще Фома?

– А ты не знаешь?

– Нет! Мало ли в городе этих Фомов? У меня на улице один такой проживает. Алкаш конченный! Другой на дискотеке в Доме культуры шарманку крутит, третий...

Старший лейтенант прервал Коровину:

– Хватит придуливаться! Ты прекрасно поняла, о каком именно Фоме я тебя спрашиваю!

– Уж не о сыне ли главы районной администрации?

– О нем, родном, о нем!

Девушка хмыкнула:

– Нашел о ком спрашивать! Ты че, за дурочку полную меня держишь? Я в стукачки ментовские не нанималась. И вообще не понимаю, чего тебе от меня надо.

– Вот что, красавица! «Тыкать» будешь своему сутенеру и клиентам, перед которыми ноги раздвигаешь, а ко мне будь любезна обращаться на «вы»! Это первое! Второе: все ты поняла, и я жду ответа.

Проститутка, сощутив глаза, взглянула на офицера:

– Слушайте, старший лейтенант, по-моему, вы – инспектор ГАИ, а не прокурор и даже не следак-оперок, чтобы задавать вопросы, ответы на которые вас не касаются. Или те, кем вы интересуетесь, – злостные нарушители дорожного движения?

Кузьмич затушил сигарету:

– Ты права, я не прокурор и не следователь, а ты не нарушитель правил дорожного движения. Только, ты помнишь, в прошлом году в овраге недалеко отсюда, у леса, нашли труп обгоревшего до неузнаваемости человека?

На этот раз удивление проститутки не было наигранным:

– И че? К чему это вы? Мало ли трупов находят в оврагах, в лесополосах, на улицах, на собственных и чужих хатах? Я что-то не въеду, начальник, к чему вы клоните.

– А к тому, девонька, что труп этот раньше был молодой женщиной, примерно твоего возраста и, вот совпадение, так же, как и ты, занимавшейся проституцией на дорогах.

Коровина вновь спросила:

– И чего?

– Я недавно и совершенно случайно узнал, что, по заключению экспертизы, эту женщину, перед тем как убить, зверски изнасиловали двое. Насиловали изощренно, применяя, если так можно выразиться, подручные средства. Черенок ли лопаты, бутылку ли из-под шампанского, точно не установлено, но все внутренние органы женщины были порваны в клочья. К тому же даме нанесли двадцать ударов перочинным ножом. Чтобы не забить насмерть, а заставить жертву испытывать страшные мучения. А потом, еще живую, я подчеркиваю, живую, что также точно установлено следствием, облили бензином и сожгли. Но опять-таки, жгли проститутку не сразу, а поэтапно. Сначала ноги, потом руки и только под конец все остальное. Словом, убийцы поиздевались над ней вдоволь. Представляешь, ЧТО испытала эта женщина?

История, рассказанная Кузьмичом, произвела впечатление на Коровину, хотя та и старалась скрыть свои эмоции. Но недавний войсковой разведчик, ныне старший лейтенант Кузьмичев видел, что его слова заделли проститутку за живое. Она достала сигарету, спросив:

– Закурить можно?

Кузьмич разрешил:

– Кури!

Девушка нервно затянулась дымом «Кента».

– Убийц поймали?

– Нет! Они сумели замести следы.

– Но их ищут?

– Да! Такие дела не закрываются, так как не имеют срока давности.

– А почему вы рассказали мне это?

– Ты не поняла?

– Нет!

Кузьмичев вздохнул:

– Плохо, что не поняла! Ты вот возмущаешься тем, что я ссадил тебя из «КамАЗа». Утверждаешь, что твои дела меня не касаются. Что, мол, сейчас не те времена и каждый волен поступать как вздумает! А я не хочу, чтобы ты или твоя подруга легли еще одним изуродованным трупом где-нибудь в кювете, овраге или лесу. И чтобы убийцы оставались безнаказанными на свободе, а твои сутенеры на твоём здоровье делали деньги, тебя же при этом держали за дерьмо! За рабыню, за собственность. Как ты думаешь, хозяева той женщины, которую убили в прошлом году, попытались помочь найти извергов? Ведь они им были известны?

Коровина, уставившись в боковое стекло, промолчала.

За нее ответил Кузьмич:

– Нет, Елена Александровна, не попытались. И не помогли. Эти ублюдки ушли в тень. Их вычислили, но доказать причастность к сутенерству следователи не смогли. Никто из таких же рабынь, как ты, не сдал своих «благодетелей». А те спрятались за стеной глухой отрицаловки. Да и что им оставалось? Ведь сутенеры, вольные или невольные, прямые соучастники зверского убийства. Как потенциальным убийцей является и наш доморощенный Димочка Кулагин – Урод! Вот такие дела, Лена.

Коровина отвернулась от окна:

– И вы решили, что можете что-то изменить?

– Что я решил – мое дело!

– Да кто вам даст сделать это? Разве Урод мог бы спокойно и открыто работать без прикрытия сверху? Что-то ваша ментовка его не особо трогает!

– Согласен! Без серьезного прикрытия Урод не смог бы торговать вами. Так вот ты мне и поведдай, с кем именно хороводится Кулагин. Даже не так! Важнее другое. Фомин-младший связан с Уродом?

Проститутка как-то печально усмехнулась:

– Я, офицер, блядь, но не самоубийца!

– Спорное утверждение во второй части твоего заключения. При твоей-то работе. Почему ты не хочешь открыться мне? Боишься?

– Я не боюсь! Давно никого и ничего не боюсь, кроме Фомы! Только за один базар с ментами его ребята или он сам могут мне предъяву кинуть. И так придется уже вертеться, убеждая «Сашеньку» в том, что ничего лишнего не ляпнула здесь. А уж если узнают, что я про него с вами беседовала – кандец, башню точняк спилят! Так что извините, но я лучше помолчу!

Кузьмич потер подбородок.

– Ладно! Не хочешь говорить, не надо. Заставить тебя я не могу. Но только учти, Лена, когда тебя клиенты на куски резать начнут, что-либо вернуть назад будет поздно! Дай бог, чтобы с тобой ничего не случилось. Но, если случится, не обессудь и вини во всем свою глупость. Все! Разговор окончен! Это действительное твое право! Право лишать себя будущего!

Кузьмич открыл дверцу, намереваясь выйти из салона, но Коровина удержала его:

– Постойте! Фома всем темным делам в городе голова. Урод под ним! Больше ничего не скажу!

Старший лейтенант неожиданно спросил:

– Наркотой тоже Фома ведает?

Проститутка, как показалось Кузьмичеву, слегка вздрогнула:

– Я этого не говорила! Ясно, инспектор? Не говорила!

– Ясно, ясно, что ты так вдруг разволновалась? Все мне ясно! Что ж, и на этом спасибо!

Кузьмичев позвал сержанта:

– Максим!

– Я!

– Двигай сюда!

Подчиненный подошел к «Волге».

– Ну?

– Забыл, как к начальнику обращаться следует? Но черт с тобой! Давай, отвези даму в город!

– Чего? Может, плечевку, как на такси, прямо к дому доставить?

– Макс? Ты плохо понял меня?

– Но, Кузьмич, невелика птица, и пешком дойдет до утра!

– Отставить, сержант! Вперед за руль и в город. Оставить Коровину у универмага. И сразу же назад! И чтобы никаких непредвиденных поломок, никаких задержек! Вопросы?

– Нет вопросов.

Губин передал приборы инспектора ДПС офицеру, пошел в обход машины, бормоча под нос:

– Дожили! Блядей по хатам развозим!

Кузьмичев окликнул подчиненного:

– Губин!

– А?

– Ты чего там бурчишь?

– Да так, ничего особенного, товарищ старший лейтенант!

– Мне показалось, что ты чем-то недоволен!

– Это вам на самом деле показалось!

– Ну-ну! И шевели мослами. На все про все полчаса тебе.

Сержант хлопнул дверкой, и «Волга» выехала на трассу, оставив Кузьмича в плену ночной пустынной дороги.

ГЛАВА 2

Оставшись один, Кузьмичев задумался. В завершение разговора с проституткой он не для пустого словца спросил Коровину о наркотиках. В районный центр регулярно доставлялась дурь. И не только марихуана, но и героин. Это не являлось секретом ни для кого. Достаточно пройтись с утра по укромным местам, где, как принято сейчас говорить, обычно тусуется молодежь, особенно возле дискотеки или по подвалам близлежащих к центру старых домов, чтобы обнаружить множество использованных, окровавленных инсулиновых шприцев. Тайной остается то, КТО конкретно стоит за наркоторговлей непосредственно в Горинске. И, что страшно, его коллеги из подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков по этому поводу якобы не имеют никакой более-менее достойной внимания информации. Весь город ее имеет, а они – нет! Как-то, на одном из совещаний, Кузьмичев попробовал поднять вопрос по этой проблеме. Но куда там! Ему и рта не дали раскрыть! Точнее, свою точку зрения он высказал, выразив недоумение по поводу отрицания руководством районного отдела внутренних дел, да и местной администрацией очевидного факта существования в городе отлаженной сети распространения наркотиков. Но начальник милиции, резко оборвав старшего лейтенанта, потребовал, именно потребовал от Кузьмичева не лезть не в свои дела и не бросать тень на слаженный достойный коллектив. Мол, у него, инспектора дорожно-патрульной службы, есть свой участок работы, которым и следует заниматься. И не усугублять обстановку, которая, по словам подполковника Долматова, начальника Горинского РОВД, находится под полным контролем соответствующих служб. А молодежь продолжает втягиваться в зависимость от наркотики и наркодельцов. Смириться с этим беспределом Кузьмичев, даже только из-за своего характера, не мог. Он не стал больше публично выступать, но дал себе слово, насколько хватит сил и возможностей, попробовать зацепить торговцев смертью. Зацепить и раскрутить этот ядовитый клубок. Чтобы вывести на чистую воду ТОГО, кто руководит торговлей наркотиками, лишив ублюдка малейшей возможности уйти от ответа. Сделать это будет очень тяжело в условиях действующей власти. Может, не удастся вовсе. Но попробовать он попробует. Обязательно попробует. А там как бог даст!

То же самое касается и организации проституции на дорогах. И опять было очевидно, что плечевки пасутся в придорожном кафе. Известно, что кафе принадлежит сыну главы администрации Александру Фомину, или Фоме, а сутенером выступает Урод, Дмитрий Кулагин. Этот урод, как по внешней форме, так и по внутреннему содержанию, держит возле себя не менее десяти женщин, зарабатывающих торговлей своими телами. И опять местные руководители закрывают на все глаза. Ведь очень даже легко можно разогнать эту шоблу. Но нет, и здесь – не лезь, старлей, не в свои дела. На это другие люди есть. Есть-то они есть, да что толку-то? Хотя, надо признать, женщин, что пашут на Урода, насильно на панель никто не тянет. Ладно, Урод, с ним все ясно, но что толкает Коровину и подобных ей в лапы предприимчивых наглецов типа Кулагина? Непомерная жажда секса? Говорят, есть у баб такая болезнь – бешенство матки. И тогда им мужик требуется чуть ли не постоянно. Но не все же проститутки больны этой непонятной болезнью? И в этом случае им просто должно опротиветь раскладываться перед первым встречным. Но путаны вновь и вновь приходят к дороге, словно на работу в ночную смену.

Вот этого, как ни старался, Кузьмич понять не мог. Для других, возможно, все было предельно ясно, но этим другим и на все остальное наплевать. И на наркоту, и на проституцию, и на хулиганку, которая буквально захлестнула город. Этим лишь бы самим быть в стороне от всего, в тепле и уюте своих квартир, отгородившись от внешнего мира нежеланием воспринять действительность такой, какая она есть, скрывшись от реалий за крепкими стенами и железными дверями, живя по принципу – моя хата с краю! У кого беда? У кого несчастье? Кому нужна помощь? Эти вопросы не к ним. От подобных вопросов они затыкают уши. Так спокой-

нее будет! ИМ, но не старшему лейтенанту Кузьмичеву. Поэтому офицер и спрашивал себя, что же является основной причиной проституции?

Привлекательность легкого заработка? Но не так уж легок их труд, если можно назвать блядство трудовым занятием, хотя, наверное, можно! Да и львиную долю суммы, полученной от клиентов, путанам приходится отдавать сутенеру, тому же Уроду в данном случае. Непонятно! А ведь среди тех же плечевок есть и замужние женщины. Их немного, но они есть. Интересно, как мужья реагируют на занятие своих благоверных проституцией? У Кузьмичева в голове не укладывалось, как можно жить с женщиной, зная, что она спит еще с десятком мужчин? Он подумал о своей супруге. И теплая волна накрыла старшего лейтенанта. Они были вместе с 1982 года, хотя познакомились годом раньше. И знакомство это было опять-таки связано с Афганистаном. Кузьмич до сих пор в мельчайших деталях помнил тот бой у кишлака, после которого судьба его резко изменилась. И когда он во второй раз спас Коренева.

Это произошло в июне. Разведрота, как обычно, заступила на дежурство на блокпост. И ничего не предвещало катастрофы. Ни разведданные глубинной разведки, ни какие-то особые признаки наличия у кишлака больших сил душманов, ни данные пилотов «вертушек», проводивших контрольный облет ближайшей к стрелковому сооружению территории.

Напротив, в этот день в Пешевар в поисковый рейд было высажено отдельное подразделение. Да, что пост ночью обстреляют, знали все и этому особого значения не придавали. Даже небольшой штурм допускали и были к нему готовы. Но того, что произошло на рассвете, не ожидали и не просчитывали, потому как подобного просчитать было невозможно. Так же как и понять: почему ЭТО смогло произойти!

Но все по порядку. Ночь началась спокойно. Где-то около часа из степей пронесся пыльный «афганец». Затем наступила тишина. В ту ночь Кузьмичев не спал. Какое-то тревожное чувство лишило его сна. Но такое с ним бывало и ранее. Тогда своему чувству он значения не придавал, просто выйдя к глиняному забору, к бойцам боевой смены. После пыльной бури небо было необычайно чистым, а звезды близкими. Казалось, протяни руку и сними любую из них. Мирно трещали цикады. Пространство до гор, с места, где находился прапорщик Кузьмичев, просматривалось прекрасно. И для наблюдателей не было никакой необходимости в применении приборов ночного видения или осветительных ракет. Кишлак также молчал, но это необычным не было. В общем, Кузьмич вернулся в спальный отсек где-то около трех часов. И прилег. А в четыре часа все вокруг содрогнулось от разрывов мин. Разрывов, буквально накрывших пост. И тут же раздались крики боли первых раненых. Рота даже в этих условиях сумела рассредоточиться по позициям, но поднявшаяся пыль, смешанная с гарью, не позволяла сориентироваться и понять, откуда велся обстрел, а также что последует за ним. Вернее, что за минометным налетом последует атака духов, было ясно, непонятно лишь: применят ли они стандартную схему или продолжают действовать, применяя новую тактику. Ранее их штурмы не начинались с такого массивного обстрела. Противника увидели, когда тот сблизился с постом метров на пятьдесят. И проявил он себя со всех трех направлений. Причем основная масса валила от кишлака, таким образом, нацелив главный удар в лоб посту. Рота огрызнулась огнем пушек боевых машин десанта (БМД), станковых пулеметов и автоматов. Плотный ответный обстрел заставил духов залечь. Но ненадолго. Блокпост накрыло вторым минометным налетом. Разрывы осколочных мин нанесли ощутимый вред обороняющимся. Появились первые убитые. К тому же огнем гранатометов моджахедам удалось вывести из строя одну боевую машину, что сразу же ослабило огневую мощь на левом фланге. Этим не преминули воспользоваться душманы, перебросив на ослабленный участок дополнительные силы. Пешая атака вновь повторилась. И вновь ее удалось отбить. Но расстояние между противником и блокпостом сократилось метров до тридцати.

Если духи подтянули бы на этот рубеж все свои силы, то броском скорее всего сумели бы ворваться на территорию СПС. И тогда неминуем был рукопашный бой, который десант не

выдержал бы. Из-за численного превосходства врага. А посему нельзя было допустить сосредоточение противника для совершения этого губительного броска. И пост вел непрерывный огонь, перейдя практически к круговой обороне.

Кузьмичев яростно отстреливался как раз на том фланге, где была подбита боевая машина десанта. Рядом вел бой и рядовой Коренев. Прапорщик понимал, что такого темпа боя рота долго не выдержит. Арсенал поста, хоть и солидный, все же был ограничен. Когда-то патроны кончатся, и тогда конец! Но изменить ситуацию не мог, готовясь принять свой последний рукопашный бой. На этот случай в накладном кармане его полевой куртки всегда хранилась граната. Если придется умирать, то с собой прапорщик успеет захватить с пяток духов... Рядом с ним в глиняный забор ударила граната. Противно лягнули осколки, вскрикнул Коренев. Оплавленный, зазубренный кусок горячего металла торчал из его плеча. Боец, как и многие другие, застигнутые врасплох столь массовой атакой душманов, не успел или в суматохе не сумел надеть бронежилет. Хотя тот плечо не прикрывал, но уже следующая порция металла могла превратить молодого солдата в решето. Кузьмич сменил позицию, оттолкнув Коренева к дувалу и встав у амбразуры вместо него. Он не лишил блокпост стрелка, так как все магазины механика-водителя были уже пусты. Он просто занял его место. Разрыв второй гранаты сильно ударил по перепонкам. Но заряд, сбив макушку глиняного забора, угодил в сожженную уже боевую машину десанта. Кузьмич увидел вражеского гранатометчика. Тот менял позицию. Прапорщик поймал его в прицел автомата и нажал на спусковой крючок. Но только две пули вышли из ствола. Два выстрела, слившихся в один, и АКС захлебнулся. И в ответ мощный разрыв, от которого прапорщик совершенно оглох, в глазах помутнело, резкая боль ударила по голове и, как ни странно, отдалась в ногах. Владимир, контуженный, не мог оценить произошедшего и попытался переместиться в сторону. Но ноги не слушались. Он опустил глаза и увидел рваные раны на обеих голених. Ступни были неестественно вывернуты, это значило, что кости перебиты начисто. Тогда мелькнуло в голове: все, отвоёвался. Слух постепенно вернулся к нему, и прапорщик услышал одиночные очереди бойцов, еще продолжавших сдерживать натиск духов. Но этот огонь был слишком слаб, чтобы удержать противника от решающего штурма. Значит, наступил его, прапорщика Кузьмичева, да и всех еще живых бойцов роты, момент истины. Он оглянулся. Рядом увидел тела солдат. Они лежали в разных позах и не двигались. И только Коренев смотрел на прапорщика широко раскрытыми от ужаса глазами. Владимир хотел что-то сказать солдату, но не смог, не слушался язык. Он вновь, с трудом повернув голову, посмотрел на блокпост. Крови Кузьмич не видел и уже не думал о ней. Дрожащими руками он достал гранату, вложил палец в кольцо предохранительной чеки. Осталось вырвать его, и через секунды взрыв. Он откинулся на холодную шероховатую поверхность глиняного забора. И стал ждать, считая последние секунды своей жизни и жизни рядового Коренева.

Взорвал бы он гранату, ворвался духи на пост? Да, взорвал бы! Но сделать это, к счастью, не пришлось. Когда казалось, все было кончено, со стороны Баграма он услышал рев быстро приближающейся гусеничной боевой техники. А затем с воздуха по духам ударили внезапно появившиеся спарки афганских правительственных военно-воздушных сил. Пилоты-афганцы хоть и летали на старой технике, но дело свое знали. Их бомбы ложились точно в цель, а подошедшая вовремя разведывательно-штурмовая рота отдельного разведывательного батальона мотострелковой дивизии переломила ход боя. Ребят из этого разведбата духи боялись, так как легенды об их подвигах распространились далеко за пределы провинции.

Перед тем как потерять сознание, Кузьмичев увидел разведчиков, ворвавшихся на пост. И Коренева, плакавшего над Кузьмичом, когда того несли к боевой машине пехоты. Владимир так и не сказал ничего солдату. И больше не видел его. Прапорщик остался жив. И так как лечение предстояло длительное, его переправили в Чирчикский госпиталь, что недалеко от Ташкента. Там Владимир и познакомился с молоденькой медицинской сестричкой Катей. Она

покорила сердце кавалера двух орденов Красной Звезды своей ненаигранной скромностью и чистотой. У нее также не было родителей. Воспитывала Катю бабушка, и жили они в Горинске. После окончания девушкой медицинского училища в Переславле ее позвала к себе дальняя родственница – военный врач. Так Катя оказалась в военном госпитале. Знакомство их за время лечения Кузьмича переросло в любовь. У Владимира заканчивался контракт, и Катя предложила после его увольнения поехать на ее родину. Кузьмичев согласился.

И после госпиталя и увольнения, уже муж и жена, Владимир и Екатерина Кузьмичевы приехали в Горинск. Где и прожили уже более двадцати лет. Кузьмича взяли в милицию. После курсов переподготовки он получил офицерское звание и был определен в ГАИ инспектором. Жизнь и новая служба Кузьмичева складывались по-разному. В своей любви они с Катей были счастливы. Хотели, как и все, иметь детей. Но так уж получилось. Не дал господь.

Вернулся Губин. Загнав машину на прежнее место, вышел на улицу. Кузьмичев посмотрел на часы. Сержант, уловив это движение начальника, проговорил:

– Все в порядке, Кузьмич, доставил твою красавицу по назначению в полной сохранности!

– С чего ты взял, что она моя?

– Ну, ты же с ней базарил! Только не пойму, о чем вообще можно говорить с плечевкой!

– Эх, Максим! Во-первых, она женщина. Во-вторых, у каждого своя судьба. А судьба, брат, штука непростая и капризная. Может вверх поднять, а может и на дно бросить. Да так, что не всем оставит шанс выбраться обратно. Плохо тому, кто не в силах справиться с собой. И таких много. Коровина в их числе. Но она жертва. И не только собственной глупости, но и коварства тех, кто завлек ее на грязный путь проституции. А вот эти особи уже преступники.

Сержант пальцем сдвинул фуражку на затылок.

– Слушай, Кузьмич, а ты философ! И говоришь складно. Как лектор, что недавно в отделе выступал. Тоже что-то о нравственности бакланил. Только, признаюсь, я в его выступлении ни черта не понял. А ты?

– Я не ходил на лекцию.

– И правильно сделал! Базара было много, а толку ни хрена. Лектор говорил часа два, может, больше. А я, когда домой пришел, попытался предкам рассказать о лекции, и что ты думаешь? Двух слов связать не смог. Так и не вспомнил, чего этот областной оратор нам столько времени в актовом зале втирал.

Старший лейтенант прищурился:

– Ты на что намекаешь? Что и я фуфлю всякое гоню?

– Не-е, Кузьмич! Ты как раз тему по уму раскладываешь. Просто я сказал, что умеешь ты речи толкать! И ничего большего.

– Ладно. Постой теперь ты на дороге. Я часок вздремну.

Сержант предложил:

– А чего тут торчать? Может, к ребятам на пост рванем? Там все веселее будет! Тут отираться какой смысл?

Кузьмичев посмотрел на подчиненного:

– Стоять будем здесь! До утра. Как рассветет, уйдем на пост. Но не раньше! Вопросы?

И, не дожидаясь реакции сержанта, продолжил:

– Нет вопросов! Неси службу, инспектор, бдительно. Как часовой в карауле. Армейские порядки еще не забыл?

– Помню! Только там охранять было чего... А тут за чем смотреть? За дорогой? Ее, при всем желании, никуда не денешь. И никто на нее не посягнет. Не в Чечне.

– Ты там был?

– Бог миловал! Пока...

– Вот именно что пока! В твоей службе, если, конечно, намереваешься служить до конца, еще многое может измениться. Это я отпахал свое, а у тебя, сержант, все впереди. Ладно. Следи за обстановкой.

Кузьмичев устроился на месте водителя служебной «Волги», откинувшись на сиденье.

До утра время прошло спокойно.

В 8.00 Кузьмич с напарником подъехали к стационарному посту. Их встретил офицер и новая смена инспекторов. А вскоре, сдав оружие, старший лейтенант вошел в свой дом. Его, как всегда, ждала супруга, приготовившая горячий завтрак для мужа.

– Как дежурство, Володя? – спросила она.

– Нормально! Без происшествий.

– Ты отдыхай, а я к бабушке съезжу. Звонила в шесть часов, опять ей плохо.

– Слушай, Кать! Ну, чего ты будешь мотаться с края на край города. Давай попросим Василия, перевезем Анну Ивановну сюда.

– Тесно будет, Володь!

– Ничего! Разместимся. И ей одиноко не будет. Все мы рядом. А это большое дело! Опять-таки, коли надо, «Скорую помощь» вызовем, воды подадим.

– Ну, я не знаю.

– Я знаю! Жди дома, я к Василию.

– Тебе отдохнуть надо!

– На пенсии отдохну. – Офицер вздохнул, добавив: – До нее, родимой, недолго!

Набросив поверх мундира ветровку, Кузьмич вышел со двора, прошел немного по улице, свернул в ближайший переулок. У второго дома остановился. Вернее, у калитки, от которой вела бетонная дорожка, окаймленная кустами сирени, к крыльцу деревянной избы Василия Белугина. Первым Кузьмича встретил Шалаш – пес непонятной породы, здоровый, но дружелюбный. Владимир помнил, как Васька привез из области Шалаша щенком. Утверждал, что купил дельного кобеля – помесь немецкой овчарки и лайки, которого сначала громко назвал Рексом. Но, по мере роста щенка, утверждение Белугина по поводу породы Рекса становилось все более сомнительным. Он не был похож ни на овчарку, ни на лайку, имел характер порывистый, озорной и совершенно не злобный. Команд, как ни старался Василий, не воспринимал и только оказывался на свободе, начинал терзать все, что попадалось под зубы. Старую телогрейку, новую метлу или пустую пластиковую бутылку из-под минеральной воды. Тут-то Белугин и переименовал своего питомца. Из Рекса пес стал Шалашом.

Вот и сейчас он подлетел к калитке, поднялся на задние лапы, передними пытаясь достать Владимира.

– Ну, ну, отвали, Шалаш!

Кузьмич открыл калитку, отбросив пса на дорожку. Но тот вновь перегородил дорогу офицеру милиции. Кузьмич сбросил пса, схватил того за загривок, оттащил к будке, где прицепил к ошейнику короткой цепи. После чего вошел на крыльцо. Постучал в дверь.

Открыла ему супруга Белугина, Клава. И, не видя гостя, приняла его довольно холодно.

– Кого еще несет с утра?

– Это я, Клав, Кузьмичев!

Тон женщины резко изменился.

– А, ты, Володь? Здравствуй!

– Доброе утро, чего ты с утра нервная?

– Будешь нервной с таким муженьком. Хоть бы ты на него повлиял, Володь!

– Опять вечером приложился?

– Приложился? Если бы приложился! Нажрался, как скотина последняя. С друзьями из лесхоза чьи-то именины отмечал. Доотмечался так, что вместо хаты в будку к Шалашу залез.

Кузьмичев улыбнулся:

– Да ты что?

– Вот тебе крест! Ты знаешь, он и трезвый чудик, а выпьет, вконец деревенеет. Пил бы как люди, разве я против? Сама бы поднесла! А он... да чего говорить, сам знаешь!

– Знаю! Где он сейчас?

– На кухне сидит, где же еще? Нахохлился грачом весенним, ждет, чтобы похмелила. Да только хрен ему. Надоед уже! Ты постучал, а я думала, дружки заявились. Ты уж извини.

– Да ладно, Клав! Я пройду?

– Проходи, конечно! Да мозги ему промой, хотя все бесполезно, горбатого могила исправит, прости меня, господи!

Клава, несмотря на средний возраст, была человеком глубоко верующим. И было это объяснимо. Она росла в семье баптистов. Те потом, как люди рассказывали, подались куда-то в леса. И Клава, возможно, затерялась бы где-нибудь в секте, если бы не Василий, как раз вернувшийся из армии. Любовь молодой набожной девушки к bravому отставному матросу оторвала ее от секты и оставила в городе. Что никак не повлияло на ее религиозные убеждения, с той лишь разницей, что секту Клаве заменила церковь, где она была образцовой прихожанкой. Что, опять-таки, в быту совсем не мешало ей иногда применять крепкое словечко. Правда, больше в отношении супруга. И Кузьмич понимал ее. Да и Василия, как ни странно. Может быть, дело было в том, что семья Белугиных, как и семья Кузьмичевых, тоже не имела детей? Вот только Кузьмич принял это достойно, а Васька поплыл, найдя в самогоне, пусть и иллюзорную, но все же отдушину, позволяющую на время отвлечься от реальности. Это, понятно, не снимало проблем. Более того, усугубляло их. Ну, а затем подчинило Белугина «зеленому змию», с которым у Васьки не было ни сил, а главное, ни желания бороться.

И все же Белугин был мужиком стоящим. Несмотря ни на что. С таким, как считал Кузьмич, можно было идти в разведку. С трезвым, естественно.

Владимир прошел в сени, оттуда в кухню.

Василий сидел на табуретке в трусах и майке. Весь взъерошенный, небритый. Увидев товарища, лишь буркнул:

– Привет!

Кузьмич присел рядом.

– Здорово, гуляка!

– Э-э, Вова, ты только на мозги не капай! И так голова гудит. А во рту словно ишак испражнялся. Фу, бля, как же муторно! И Клава пойло спрятала! Что за жизнь?

– Кто ж виноват?

– Началось! Благоверная, что ли, попросила моим воспитанием заняться?

– Никто тебя, Вась, воспитывать не собирается. Поздно уже воспитывать. Водка тебя под себя крепко подмяла. Лечиться тебе надо. И серьезно.

– Ага! Сейчас! Вот покурим и поканаем к наркологу. Пусть лечит, если сможет! Только ни хрена у него не выйдет. И ни у кого не выйдет. Я как пил, так и буду пить. Это мое личное дело! Ты, как друг, лучше бы похмелил, а не мораль читал.

– Похмелить, говоришь? А не пошел бы ты, Вася! Мораль тебе читать? Обойдешься! Дружки, что бухают с тобой, пусть ее читают! Они для тебя все. Они твоя семья. И пожалеют, и похмелят, с ними хорошо. По пьяни! Никаких забот. Никому никакого дела, что похож ты на чмо болотное. Они тебе помогут, стакан поднесут! Благодетели. Тебе же лишь это надо. А то, что дом с собачьей будкой путаешь, ничего. Это нормально. Какая разница, где спать, в будке, в канаве, на свалке? Лишь бы утром похмелка была! Эх, Вася, Вася, глаза б мои на тебя не смотрели. Сиди, жди дружков! Или вали к ним! А я пошел. Думал, с человеком поговорить, не получилось. Жаль. Но, видно, ничего не сделаешь. Все ты на самогон променял! Слабак...

Кузьмичев положил сигареты в карман, поднялся, направившись к выходу. Белугин оставил его:

– Володь? Кузьмич! Постой! Да постой ты, черт правильный!
Старший лейтенант обернулся.

– Чего тебе?

– Погодь! Не уходи! Сейчас, я приоденусь. Подожди на кухне.

Кузьмич вернулся, устроившись за столом. Василий скрылся за занавеской, откуда вскоре раздался плеск воды и оханье Белугина.

Вошла Клава.

– Где это чудо?

Владимир кивнул на занавеску:

– В порядок себя приводит.

– А!

Она вздохнула, достала из халата початую бутылку с мутной жидкостью, поставила на стол.

Владимир взглянул на супругу Василия, спросил:

– Зачем?

– Ох, Володя! Пусть уж похмелится! Все одно искать будет. Уйдет из дома.

– А похмелившись, не уйдет?

Клава пожала плечами, ответив однако:

– Уйдет! Догоняться, как он говорит.

Кузьмич приказал:

– Убери самогон! Сама же потекаешь ему, а потом страдаешь. Убери! Ваську надо вытаскивать из запоя, а не похмелять.

– Так я хотела как лучше. А то еще сердце остановится. Давеча, на том краю у реки, да ты, наверное, в курсе, мужик тридцатилетний вечером погулял, а наутро не похмелился. Не успел. Вышел из хаты, на скамейку сел и завалился! Жена к нему, а он готов. Народ говорит, похмелился, жил бы!

Владимир покачал головой.

– Клава! Ты сама-то веришь в это? И потом, к чему спектакли разыгрывать, изображать строгость, сцены устраивать и тут же идти на попятную? Уж лучше утром в постель ему стакан подавай. Или в собачью будку, где найдешь! Не пойму я тебя. Говоришь одно, делаешь другое. Так нельзя, Клава!

За занавеской послышались звуки рвоты. Василия полоскало. Клава посмотрела на Кузьмичева:

– Слышишь, выворачивает!

– Ну и что? Так и должно быть! Вырвет – легче станет.

Женщина вздохнула:

– Может, все же граммов сто налить?

– Нет! Хотя...

Владимир на секунду задумался, затем неожиданно проговорил:

– Оставь бутылку, сама же уйди.

– Ты че задумал?

– Ничего! Давай, оставь нас.

Оставив бутылку и выставив из холодильника нехитрую закуску в виде мелко нарезанного сала, огурца и куска черного хлеба, Клавдия вышла из кухни.

Вскоре после короткого затишья появился Белугин. Был он бледен, но побрит и одет в спортивный костюм. Увидев бутылку и закуску, сглотнул слюну.

– Чего это?

Кузьмич ответил:

– Сам не видишь? Похмелка с закуской! Присаживайся, чего стоишь?

Василий недоуменно присел за стол.

– Клавка раздобрилась?

– Нет, я к соседям сбегал, принес тебе пойло.

– Гм! Ну что ж, пожалуй, немного пропустить не помешает! А то, в натуре, дурно.

– Пей, коли дурно.

Белугин встал, достал из шкафа два стакана, спросив:

– Ты со мной дернешь?

– А ты как думаешь?

Василий молча поставил один стакан на место. Другой наполнил наполовину, резко выдохнул воздух:

– Как говорится, не пьянки ради, здоровья для...

Он уже готов был опрокинуть стакан, как Владимир проговорил:

– Пей, Вася! Только учти: выпьешь, я тебя больше не знаю!

Рука Белугина остановилась на полпути:

– О чем ты?

– Не понял? Объясню популярнее. Перед тобой выбор – либо продолжать пить, но потерять дружбу со мной, либо наоборот. Все просто! Или водка, или я.

– Ты че, Кузьмич? Охренел?

– Нет, Вася. Вижу, ничего другого не остается. Так что, решай, браток! Я тебя ни к чему не принуждаю. Поступай как считаешь нужным.

Белугин резко поставил стакан на стол. Да так, что даже половина самогона выплеснулась на стол.

– Ты чего делаешь, змей? Разве так можно?

– Можно, Вася. Даже нужно! Иначе не получится!

Василий отвернулся к окну.

Владимир, достав сигарету, закурил.

Наступило молчание.

Белугин неожиданно выкрикнул:

– Клавдия! Клава!

Из комнаты донеслось:

– Чего тебе?

– Иди сюда!

Супруга Василия вышла в кухню:

– Ну?

Белугин указал на бутылку:

– Убери!

Клава не поняла:

– Как?

– Убери, сказал!

Женщина подхватила бутылку, не зная, что делать дальше.

– Иди в хату! И вылей самогон, чтобы я его больше не видел!

Клавдия изумленно посмотрела на мужа, перевела взгляд на Кузьмичева.

– Господи! Я не ослышалась?

Василий ударил ладонью по столу:

– Ну, чего тебе еще не ясно, женщина?

– Все, ясно, Вася, все ясно! Ухожу!

Как только супруга вышла, Белугин взглянул на Кузьмичева:

– Доволен, изверг?

– Нет, не доволен! Ты словно одолжение кому-то делаешь. Будто это мне или Клаве надо! Это тебе, и только тебе надо! Понял?

– Воспитатель хренов! Ладно! Проехали. Закрыли тему. Ты че пришел-то? Дело какое?

– Дело.

– Выкладывай!

– У тебя тачка на ходу?

– А чего ей будет?

– Бабулю нашу надо перевезти.

– Откуда, куда?

– Из ее дома к нам с Катей.

Белугин взглянул на товарища:

– И где же вы втроем разместитесь, в твоих-то апартаментах?

– По-твоему, лучше из-за собственного удобства оставить больную пожилую женщину одну?

– Удивляюсь я тебе, Володь! Если б не знал тебя, ни за что бы не подумал, что ты мент! Скорее, какой-нибудь святоша. Менты так, как ты, не поступают. Нет, не поступают. Ты один такой! Зуб даю!

– Не надо, Вася! Лучше ответь, поможешь?

– А куда я денусь? Когда поедем?

– Лучше сейчас, но решать тебе!

– Ты один или и Катю возьмем?

– Конечно, с Катей! Ей собрать бабулин скарб надо, разве я один разберусь, что к чему?

– И то правда! Тогда иди домой. Я, как заведу свой «поларис», к калитке и подъеду!

Пойдет?

– Добро!

Кузьмичев поднялся, вышел в сени, оттуда во двор, где вновь был буквально атакован Шалашом.

Его отогнала Клава, появившаяся из-за дома.

– Володь! Подожди!

Кузьмич остановился.

Женщина приблизилась к нему:

– Володь! А чего это с Васькой случилось?

Она до сих пор не могла понять резкое изменение в настроении и желаниях мужа.

– То, что и должно было случиться.

– И че, он теперь пить не будет?

– Не знаю, Клава, надеюсь, не будет. По крайней мере так, как пил раньше.

– Господи, Володя, я за тебя богу молиться буду!

– За мужа лучше молись. И поддержи его. Это Василию необходимо.

– Да, да, конечно!

– И еще, Клав. Все спиртное из дома убери!

– Сегодня же уберу. А что делать с друзьями? Гнать со двора?

– Ни в коем случае. Василий сам должен разобраться с ними! Твое вмешательство может сыграть негативную роль. Придут, впусти. А дальше – мужа дела. Но, думаю, все у вас наладится.

– Спасибо тебе, Володя!

Кузьмичев вышел за калитку. Он не видел, как женщина вслед перекрестила его, и не слышал, как проговорила:

– И есть же еще такие мужики?! Счастливая Катька!..

ГЛАВА 3

Дискобар «Снежинка» – наверное, единственное увеселительное учреждение в центре Горинска – вечером гудел, как потревоженный улей. Главный зал был битком набит молодежью. Доморощенный диск-жокей Кирюха, или Николай Фомин, однофамилец главы районной администрации и его заносчивого сына, владельца заведения, слегка под кайфом, крутил диски. Бьющая по ушам и нервам ритмичная музыка оглушала дергающихся в хаотичных движениях завсегдатаев бара. Мигающий свет прожекторов и импульсы фотовспышек, рвавшие зал в такт мелодии, если так можно было назвать то, что рвалось из динамиков, создавали эффект нереальности происходящего. Бармен Юрик только и успевал открывать бутылки с пивом – самым массовым товаром во время дискотек. Охрана из двух вышибал, глядя на это полупьяное безумие, привычно скучала на выходе, иногда окидывая зал блуждающим взглядом, не подрались ли где пацаны из-за какой-нибудь провинциальной принцессы. Строгие костюмы шли к их тупым прыщавым физиономиям, как фраки грузчикам. Но эффект, хоть и слабенький, присутствие охраны создавало.

В отличие от первого этажа на втором было относительно тихо. Здесь находился офис владельца диско-бара Фомина Александра Сергеевича, молодого повесы двадцати трех лет, наглого, самовлюбленного и беспринципного типа. Известного в своей возрастной среде, да и не только в ней, как Фома. Сам Фомин еще не подъехал, в кабинете за накрытым столом, что, впрочем, было обыденно, его ждали закадычные друзья и подельники: Веня Быков – Бык и Дима Кулагин – Урод. И если первый свое погоняло получил благодаря фамилии, то второй из-за безобразного шрама, рассекающего щеку и губы Кулагина и полученного в результате драки еще в годы хулиганской юности. И Быков и Кулагин являлись бывшими одноклассниками Фомина-младшего и компанию с ним водили, можно сказать, с детства, со временем сколотив натуральную банду.

Банду, промышлявшую, кроме легального бизнеса в сфере развлекательных услуг, организацией проституции и наркоторговли в родном Горинске. Отличной ширмой теневого дела, приносившего основной доход молодым бандитам, являлся диско-бар и, естественно, высокий пост Фомина-старшего, который, будучи главой районной администрации, сумел насадить в районе свой порядок. Имея при этом солидные связи как и в области, так и центре.

Фомин-младший появился в кабинете неожиданно, с черного хода. Увидев подельников, поприветствовал их:

– Привет, братва!

– Здоров, Фома! Чей-то ты задержался!

– Дела дома!

С ходу выпив бокал коньяка, он спросил:

– Ну? Какие напряги?

Ответил Кулагин:

– Да все нормально! Есть одна мелочь, но...

Фомин прервал друга:

– Что за мелочь? В чем состоит?

– Ленку Корму вчера дагеры сняли. Поехала, все чики-чики! А потом возвращается. Пацаны ее у дома засекли. Утром наведася в придорожную кафешку, нашел Корму, спросил – что за дела? Она в ответ, мол, менты-гаишники на выезде из города с тачки ссадили.

Фома удивился:

– Не понял? Как это ссадили?

– Вот так, взяли и ссадили. А потом домой отправили.

– Хм! И что это за менты?

– Один – старлей Кузьмичев, другой сержант – Губин. Сопляк не при делах, офицер зацепился за Корму.

– Да с какой стати?

– На это Корма ничего толкового ответить не смогла.

Фомин задумался. Затем проговорил:

– Не нравится мне это. Если гаишники начнут наших баб трогать, то весь бизнес на дороге сорвут. И потом, какого хрена они лезут не в свои дела? Мало им того, что с транзитников стригут? Нет, чего-то тут не то. Где сейчас эта Корма?

– Ясно где! В кафешке, где ж ей еще быть?

– Давай, Урод, сюда ее! Позвони пацанам, пусть привезут.

– Без вопросов.

Кулагин достал сотовый.

– Леха? Корма на месте? Хорошо, сажай ее в свою тачку и мухой в бар. Поднимешься с телкой по черному ходу, прямо к Фоме! И поторопись, шеф ждет!...Нет, ничего не объясняй, тащи сюда и все! Давай!

Отключив телефон, он обернулся к Фомину:

– Ништяк! Минут через десять Корма будет тут.

– Ладно.

Фома повернулся к Быкову:

– Что у нас с дурью?

– План еще есть, колес немного, а вот героин на подсосе.

– С Гиви связывался?

– Пока нет.

– Чего тянешь?

– Думал, может, лучше ты? Все же шеф.

– Да какая грузину разница, кто будет платить? Но черт с тобой, набери мне его!

Быков взялся за мобильник, вызвал абонента, передал трубку Фомину.

– Гиви?

– Он самый.

– Привет, братан! Фома беспокоит.

– Привет! Проблемы какие?

– Товар нужен.

– Который?

– Что потяжелее.

– Сколько?

– Как обычно.

– Оплата?

– По факту.

– Жди, перезвоню.

– Давай.

Закончив немногословный разговор с поставщиком наркоты из соседней области, Фома вернул Быкову телефон. Закурил, откинувшись на спинку кресла.

– Дурь будет! Бык, приготовь бобы. Чтобы завтра вся сумма здесь, в сейфе лежала.

– Понял! Сделаем.

– И давай-ка склад сменим.

– А че?

– Ничего. Надежней будет.

– А куда товар перевезем? Сюда?

– Охренел? Ты уж лучше сразу к мусорам его отвези! Запоминай, завтра с утра весь запас загрузишь в машину. Позвонишь мне. Как скажу, подъедешь к дому отца. У него в подвале и сложим все.

– Лихо! А если он пронюхает?

– Это не твоя забота. Ты все понял?

– Понял.

– Вот и отлично.

Бросив окурок в пепельницу, Фомин прошелся по кабинету. У окна остановился. Хотел что-то сказать, но в дверях черного хода показалась физиономия молодого парня.

– Фома? Корму привез!

– Так, приглашай даму.

Парень обернулся, сказав в пролет:

– Заходи, красotka.

В кабинет вошла Коровина. Встала на входе.

– Чего звали-то?

Фомин поморщился:

– Елена! До чего ж ты невоспитанна. Где здрасте? Или мы сегодня виделись?

– Здравствуйте!

– Ты и с клиентами такая же неприветливая?

Коровина не нашлась что ответить. Фомин приблизился к проститутке.

– Не из-за этого ли они высаживают тебя сразу за городом?

– Ты о вчерашнем?

– Угадала.

– Дагеры не высаживали меня! Гаишник ссадил.

– И почему?

– Откуда я знаю? Домотался, куда и зачем я в ночь еду.

– И что ты?

– Не я с ним базар завела. Дагеры. И сказали, что я будто сама напросилась в попутчицы до Василькова. Мне уже что-либо лепить без толку было.

– Вот как? Ну что ж ты у двери застыла? Проходи к столу. Поговорим.

Фомин указал на кресло возле накрытого стола.

Коровина, поправив мини-юбку, выполнила требование шефа. Фома присел на свое место.

– Значит, ссадил тебя мусорок?

– Ссадил! Заработать не дал.

– И кто он, этот гаишник?

– Кузьмичев. На отшибе, за постом, в бараках живет. Знаю я его. Козел еще тот!

Фомин поднял вверх указательный палец:

– Не долдонь! Отвечай на вопросы.

Коровина согласилась, пожав плечами, едва не оголив всю грудь:

– Как скажешь! Ты – шеф.

– Это правильно. Ну, ладно. Значит, ссадил тебя ни с того ни с сего этот Кузьмичев и сразу домой отправил, так?

– Нет!

– А что? Неужели сам трахнул? Один? Или с напарником?

– Ой, о чем ты, Фома? – Девушка скривилась: – Скажешь тоже, трахнул. Да у него и трахалка-то, наверное, усохла. Но в машину посадил, сам рядом устроился. И начал по ушам ездить.

– И что за тему вел?

– Вспомнил про труп сожженный, что прошлым годом в овраге у леса нашли. Сказал, что следствие там какое-то определило в нем женщину. А та, мол, так же, как и я, с водилами каталась. И будто он не хотел бы, чтобы и я оказалась где-нибудь в кустах убитой. Воспитывал старый хрыч!

Коровина замолчала. Но Фомину ее объяснений было явно мало. Он спросил:

– Чего умолкла? Продолжай. Пока у тебя все складно получается.

– Почему пока? Я говорю то, что было!

– Вот и говори дальше, я слушаю.

– Да все вроде. Мозги посношал, а потом приказал сержанту Максиму Губину в город меня подбросить.

– На машине?

– Ну не на себе же?

– Не умничай, Корова! Не с подругой бакланишь! Мент спрашивал тебя, на кого пашешь?

– Нет! Удивлен? Я тоже удивилась, но он ни о чем подобном и не заикнулся.

Фома пристально уставился в глаза проститутке:

– Точно?

Та, не отводя взгляда, твердо ответила:

– Матерью клянусь!

– Смотри, Корма. Узнаю, сбrehнула, в лоскуты порву! Лучше уж сама признайся! И сейчас.

– Да в чем признаваться? Сказала все как было!

– Ладно. Иди. И гляди, язык крепко держи за зубами. Ты меня знаешь!

– Знаю.

– Вали!

Проститутка покинула кабинет.

Фомин переглянулся с подельниками, спросил:

– Что думаете?

Ответил Кулагин:

– По-моему, не врет! Баба она хоть и дерьмовая, но не глупая.

– Ты вот что, Урод, найди этого сержанта, он же где-то рядом с тобой обитает. Потолкуй с ним после службы. Узнай в точности, о чем с плечевкой базарил этот Кузьмичев. К самой же Корме пацана подцепи, пусть посмотрит, не будет ли телка с ментами якшаться. Если что заметит, к Гиви ее отправим. В подарок. Грузин любитель оторваться на таких по полной! Ну а нет, пусть и дальше пашет, но глаз с нее не спускать!

– Понял, Фома.

– С ментом поаккуратней! За информацию бабки сунь. Возьмет – хорошо, нет – и черт с ним, но без угроз и прессинга, базар один на один!

– Да ясно мне все, Фома!

– А ясно – наливай!

Кулагин услужливо разлил коньяк по бокалам. Компания выпила, плотно закусив. Дождались закрытия бара. Кассир притащил выручку. Фома тщательно пересчитал деньги, достал из сейфа тетрадь, аккуратно внес сумму. Бухгалтерию он вел образцово. Банкноты сложил в несгораемый ящик.

Поднялся из-за стола.

– Значит, Бык, завтра с утра провернем дело с остатками наркоты. А послезавтра будь готов деревянные в баксы перевести. Свяжись с пацанами в Переславле, пусть ждут встречи. Курс обговори. Менять поедешь сам.

– Понял, Фома!

– Все, до завтра, погнал я.

– Давай!

Быков с Кулагиным проводили главара до машины. Фома второй день объезжал новенькую «десятку». При своих доходах он мог бы кататься и на иномарке, но отец запрещал сыну шиковать. Приходилось пользоваться отечественными образцами. «Десятка» развернулась и пошла на южную окраину Горинска, провинциального городишки с населением в тридцать тысяч жителей. И здесь общество делилось на своих богатых и бедных. Как и по всей стране.

Белугин подал свой старенький «Москвич» к дому Кузьмичевых через полчаса. Переезд Анны Ивановны занял еще два часа. К обеду Кузьмич с Белугиным освободились. Василий вышел из дома товарища весь в поту. Похмелье давало знать о себе. Владимир проводил Белугина до машины.

– Что, Вася, плохо?

– Не то слово. Мутит! Но лучше, чем утром. Ничего, отойду!

– Вот и не пей больше. Глядишь, и бросишь. И жизнь сразу же изменится. Вкус к ней почувствуешь.

– С тобой точно бросишь. Ишь заявил, либо я, либо водка.

– Я же хочу, чтобы как лучше было.

– Все о других печешься, а о себе не думаешь!

– О чем ты?

Белугин указал на домик Кузьмичева:

– Ты ж мент, Кузьмич, гаишник! К тому же офицер. А живешь хуже моего соседа – скотника местного развалившегося колхоза. Другие, молодые, как погоны наденут, и не со звездочками, заметь, а с парой лычек, да жезл гаишный в руки возьмут, глядишь, года через два и собственное жилье строят. И это пацаны вчерашние. А ты и на войне отпахал, два ордена имеешь, и милиции сколько годов отдал, а живешь, извини, в бараке. И ни хрена у тебя за душой нет. Почему так, Кузьмич?

Старший лейтенант посмотрел на товарища, медленно прикурил сигарету.

– Почему так, спрашиваешь, Вася? Да потому, что служу я не ради блага собственного, а по совести. Так, как меня в армии, в Афгане служить приучили. А там, в горах да «зеленках», брат, мы дрались с духами не за бабки. Мы долг выполняли. Смешно, да? Сейчас это, может, и смешно, а тогда? Тогда, Вася, все было по-другому. Помню, взвод у нас летом восьмидесятого на свободный поиск в Ниджраб пошел.

– Куда пошел?

– В Ниджраб. Правильнее сказать, в Ниджрабское ущелье. Да в засаду и попал. Накрыли духи ребят плотно. Взводный, молодой лейтенант, успел на базу обстановку сообщить, но подразделение уже значительно углубилось в ущелье, чтобы немедленно получить поддержку. А тут моджахеды еще и вход в ущелье заблокировали. Так что пробиваться к окруженному взводу по земле было бесполезно. И десант на хребты не высадишь. Либо «вертушки» на подлете сожгут, либо десант сам с вершин сорвется. Но что-то надо было делать? Надо! И комбат решил десантировать одну роту на противоположный от места боя склон перевала. Тут же и вылетели на трех бортах. Вертолеты зависли под склоном, рота на камни по-штурмовому. И сразу на гряде. Внизу бой затухающий. Взвод исчерпал огневую мощь, другими словами, расстрелял боекомплект. А духов вокруг – с сотню, не меньше. И сближаются с нашими. Чтобы пленных взять. Тут ребята и начали рвать себя. Сначала один, потом второй, третий. Мы так и застыли. Ротный первый пришел в себя. Как заорет благим матом и очередь из пулемета. Тут и рота огонь открыла. Повывивали духов быстро, они перед нами как на ладони были, спустились вниз и видим: половина взвода с командиром убита, остальные раненые. Магазины пусты, а в руках ножи да гранаты. До последнего патрона стояли. Прошли к воронкам, где бойцы подорвали себя. Лежат тела пацанов наших, в клочья рваные, а рядом с пацанами с десятков духов.

Не сдался десант. А десант-то – тридцать пацанов восемнадцати-двадцатилетних да взводный, двадцать два года. А ведь могли, Вася, сдать! Могли! И духи никого не тронули бы. В лагеря Пакистана переправили бы. А оттуда и на Запад дорога открыта. Такое тоже было. Но не сдались, не слиняли. Предпочли умереть! Сами себя подрывали, Вася, понимаешь? И, поверь, никто о деньгах или о благах не думал. Просто исполняли свой долг, как и положено, до конца. Потом много было боев. В одном и меня задело. Афган кончился. Но память о нем навсегда в сердце осталась. И как после всего пережитого «за речкой» я могу на службе, продолжая исполнять тот долг, ради которого сослуживцы жизни свои клали, взятки брать? Как, Вася? Кто ж я тогда перед пацанами своими погибшими буду? Гнидой последней? И пусть меня считают чудачком, кем угодно, мне плевать. Я служил, служу и буду служить так, как совесть подсказывает! Высокопарно звучит? Согласен! Но это так, Василий. И иначе быть не может!

Кузьмич отбросил сигарету в кусты.

Белугин положил ему на плечо руку, проговорив:

– Успокойся, Володь. Побледнел весь. Извини меня, дурака, я ж не хотел обидеть тебя.

И память твою. Гадом буду!

Владимир посмотрел на товарища:

– Ты не обидел меня, Вася. Извиняться тебе не за что! Просто я слишком эмоционально объяснил ситуацию. Надо было бы спокойней, но спокойней, наверное, не смогу. Ладно! Закроем тему. Держи двадцатку, за бензин!

Белугин возмутился:

– За кого меня держишь? Чтобы я с тебя деньги взял? Охренел, Володь?

– Но бензин же жег?

– Да и черт с ним! Убери деньги!

– Возьми! В выходные, может, на рыбалку рванем. Дам своих возьмем, и подальше, на торфяное озеро. А? Как смотришь на это?

– Нормально смотрю. Но лучше без баб. Какая рыбалка с женами? Хотя один хрен не пить. Можно и с ними!

– Вот и заправишь машину.

Василий взял деньги, засунул их в карман рубашки Кузьмича:

– У меня канистра в гараже с неприкосновенным запасом стоит. Так что обойдемся и без твоих бумажек!

– Ну, смотри! Ты сейчас домой?

– На работу заеду, посмотрю, что за дела там, и нах хауз, а что?

– Ничего. Просто спросил.

– Да ни хрена не просто! Я что, не вижу? Будь спокоен, старлей, с пойлом я завязал. Сегодня еще помучаюсь, завтра нормальным буду.

– Ну, давай тогда?

– Давай!

– Спасибо, Вась.

– Не за что! Так насчет рыбалки заметано?

– Заметано!

– Хорошо. Сегодня обрадую благоверную. Первый раз в жизни на рыбалку приглашать буду. Событие! Представляю ее физиономию! Охренеет, сто пудов!

– Привыкнет. К хорошему привыкают быстро.

– И то правда! Ну, бывай, Володь!

– Бывай.

«Москвич» медленно отъехал от дома Кузьмичевых. Владимир прошел в хату, где супруга кружилась вокруг своей бабушки. Он прошел в темную комнату, где умещалась

одна кровать. Прилег, накрывшись мягким лоскутным одеялом. Бессонная ночь прошедшего дежурства давала о себе знать.

Утром Быков вынес из своего гаража объемный пакет. Оглянулся. Вокруг никого. Бросил баул в багажник. Достал сотовый телефон, набрал номер Фомина.

– Фома! Я – Бык!

– Понял, что не Корова.

– У меня все готово к перевозке товара.

– Ты сейчас где?

– У гаража. Своего!

– Один?

– Угу.

– Какого черта? Не мог пацанов на стрем поставить?

– Да все тихо вокруг!

– Будь на месте, я перезвоню.

– Хоп!

Быков отключил мобильник, закурил, стоя облокотившись на открытую дверку салона собственной «девятки».

Фома позвонил через полчаса.

– Бык?

– Я!

– Обстановка изменилась. Пахан сегодня дома остался, каких-то московских гостей ждет.

Так что с нашей хатой облом.

– Че? Все назад выгрузить?

– Нет! На дачу отца повезем!

– Через пост?

– Ты знаешь другую дорогу?

– А если за жопу возьмут?

– Кто?

– Менты! Кто же еще?

Фомин сделал паузу. Затем продолжил:

– Ты вот что, подъезжай к перекрестку, но на пост не выходи, сверни к заправке. Я подъеду. Оттуда вместе и пойдем к даче. И ни одна блядь мусорская нас не остановит.

Быков воспрял духом:

– Это другой базар! Все понял. Жду тебя на заправке.

– Давай! Выезжай через пятнадцать минут.

В 8.15 Фомин с Быковым встретились на заправке. Бык подошел к машине шефа.

– Привет, Фома!

Тот приоткрыл форточку.

– Здорово! Чего у нас на посту?

– Ничего особенного. Смена!

– То, что нам и надо. Давай двигай за мной. И учти, все базары с гаишниками, в случае чего, веду я, просек?

– Угу!

– Пошел к тачке.

Дождавшись, пока подельник сядет в свою «девятку», Фома вырулил с заправки на шоссе. Повернул «десятку» к посту ГИБДД. Быков неотступно следовал за ним. Мимо молодого инспектора, находившегося на улице во время смены наряда, машины местных бандитов проехали медленно. Рядовой хотел остановить их, но, узнав в водителе первых «Жигулей» сына

самого главы районной администрации, опустил жезл. Благополучно миновав милицейский пост, Фомин с Быковым рванули по дороге, ведущей в Переславль. Через пятьдесят километров свернули на проселочную дорогу. Прошли по ней еще километров пять. Въехали в огороженный высоким забором и охраняемый дачный поселок, состоящий из нескольких особняков, высившихся у самого обрыва к Оке. Остановились возле первого дома. Фома прошел к гаражу отцовской дачи. Открыл ворота. Жестом приказал Быкову въехать в гараж. Тот подчинился. «Девятка» спустилась к черным воротам подземного этажа особняка. Фома закрыл створки. Вдвоем выгрузили баул, отнесли его в подвал. Спрятав за всяким хламом своеобразный контейнер с запасами наркотика, поднялись в гостиную. В каминном зале стояло несколько кресел, диван, передвижной столик, набитый различным питьем, от безобидной местной минералки до заморских бутылок с виски. В углу находился так называемый «домашний кинотеатр». Фома предложил подельнику присесть в кресло, сам прошел к шкафу, у окна. Достал с полки несколько компакт-дисков, спросил:

– Бык! Ты какой музон предпочитаешь?

Быков растянул физиономию в ухмылке:

– Я от «Красной плесени» тапсусь, Фома!

Фомин-младший поморщился:

– Фу, дерьмо! Да, Веня, интеллект у тебя амебочный!

Быков не понял:

– Чего?

Фома повторил:

– Разум у тебя на уровне амебы или инфузории-туфельки.

– Чего?

– Через плечо, дуб дремучий! Разве «Плесень» – это музыка?

– А чего? Нормально пацаны поют. Матом и по теме, смешно!

Фомин вздохнул:

– Да! Вот и работай с такими! «Плесени» твоей нет, послушаем «Рок – острова».

– Это тех, что с бабой, как ее, Воробей, что ли, о шамане поют?

– Ну, что-то в этом роде!

– Давай! Эти тоже ништяк!

Сын хозяина особняка поставил диск, и гостиная заполнилась ритмичной музыкой и приятным, слегка надрывным голосом солиста группы. Фома устроился рядом с Быковым, пододвинув к себе стол-каталку. Спросил, жестом обведя напитки:

– Что пить будем?

– Ты че, мы же за рулем?!

Фомин презрительно взглянул на друга.

– С каких это пор ты ментов стал бояться?

– Да не боюсь я никого, но и проблем с гаишниками не хочу.

– Сотку пожалел?

– Не в этом дело. Прицепится такой, как Кузьмичев, хрен бабками отделаешься.

Вновь услышав об инспекторе, ссавившем от клиентов Корму, Фома повысил голос:

– Ссал я на этого Кузьмичева! Понял? Тоже мне фигура! Мусор уличный! Но, как говорит пахан, пьянство дело добровольное, давься минералкой, а я коньяк хвачу. Для настроения.

Он наполнил бокал, опрокинул в себя изрядную дозу спиртного, закусил долькой лимона, хотел закурить, но зазвонил мобильник. Фома посмотрел на дисплей:

– Ага! Гиви на связи! Нормалек.

Включил мобильник:

– Привет, Гиви!

Грузин был настроен по-деловому:

– Привет! Запрошенная тобой партия товара на подходе ко мне. Отправлю ее к тебе в пятницу, восьмого августа. Готовь бабки!

– А почему в пятницу, Гиви? Мне товар сейчас нужен. И бабки собраны.

– Фома! Если я сказал в пятницу, значит, в пятницу. Один вопрос. В конце месяца, числах в двадцатых, еще партию возьмешь?

– Да мне лишний товар вроде как и не особо нужен. Позже, базара нет...

Наркоторговец перебил Фомина:

– Мне надо реализовать много товара. И быстро. Поэтому и спрашиваю. Не возьмешь ты, отдам другим, но потом не обессудь, если перерыв в поставке возникнет.

– Цену сбросишь?

– Два кило выберешь, сброшу! В разумных, естественно, пределах.

– Два кило? Боюсь, Гиви, сразу рассчитаться не смогу, даже со скидкой!

– Я подожду! Месяц! Выплатишь аванс в шестьдесят процентов, остальное потом! Устроит такой расклад?

Фомин задумался, прикидывая в уме выгоду и неудобства одновременно предложенной поставщиком сделки.

Наконец ответил:

– Хоп, Гиви! Заметано! Но тогда и первую партию на тех же условиях оплачу.

– А это почему?

– Ну, раз ты кредит мне открываешь, отчего не воспользоваться им в полной мере? В любом случае, до начала октября рассчитаюсь за все!

На этот раз задумался оптовый наркопоставщик.

И тоже согласился:

– Лады, Фома! Я тебя не первый год знаю, ты меня тоже, будем считать, договорились. Значит, в пятницу встречай гонцов. Место контактное прежнее? У леса?

– Нет! И я сам хотел тебя об этом предупредить. Сейчас на дороге часто стали пастись наши местные менты. Так что пусть твои ребята заходят в город. Но не через стационарный пост, а прямой дорогой. Только товар надо лучше спрятать, чтобы при возможной проверке не засветиться.

– Я что-то плохо понимаю тебя, Фома. Что за напруги? Почему мои люди должны рисковать, заходя с товаром в твой сраный Горинск?

– Я же сказал, Гиви, по дорогам вокруг моего сраного Горинска, как ты выразился, менты шарахаются. И если мы устроим встречу у них на виду, последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

Грузин с оттенком пренебрежения спросил:

– Твой всесильный папа уже не при делах в районе?

– Папа при делах. И на крайняк отмажет, но нам нужен этот крайняк? И потом, Гиви, я плачу деньги за доставленный товар. Как ты его бросишь, без разницы. Я и так сколько раз шел тебе на уступки. Сейчас не могу, не та обстановка.

– Ладно! Замнем базар! Куда доставить товар?

– К моему бару. Помнишь, где отрывались зимой?

– Помню. Ближе к обеду пятницы следующей недели будь в своей берлоге. От меня придет «Ауди» с двумя курьерами, погоняла их Клон и Гон!

– Все понял, Гиви! Буду ждать!

– До связи, Фома!

– Пока, брат!

Фомин отключил телефон, бросил его на мягкую кожаную обивку обширного дивана, довольно потер руки.

Быков, внимательно следивший за шефом, спросил:

– Чего там, Фома?

Фомин ударил подельника по плечу:

– Кажется, Бык, вскоре мы сорвем неплохой куш!

– С чего бы это?

– У нашего грузина, судя по всему, образовались излишки дури. И ему надо распихать ее. Он предложил очень выгодную для нас сделку. Мало того, что цену сбросит, он еще и в рассрочку наркоту отпустит. Представляешь, какой барыш мы сорвем? За это надо выпить!

Фома плеснул в бокал еще граммов сто коньяка. Выпил залпом. Бык, смутно поняв возторг шефа, молча отпил из фужера минеральной воды. После очередного перекура Фомин поднялся.

– Пора, Бык, возвращаться в город! Когда Урод думает сержанта обработать?

– Это того, что с Кузьмичевым Корму ссадил?

– Ты забыл, что я вчера тебе говорил?

– Нет!

– Так какого черта спрашиваешь? Нет, Бык, у тебя точно с чердаком напряги. Ты, случаем, сам наркотой не балуешься?

– Да ты че? И близко не касаюсь!

– Смотри! Мне наркоманы в бригаде не нужны. Замечу – урою!

– Сказал же, не касаюсь наркоты, что я, дурак?

Подельники спустились в гараж. Вскоре две машины направились в сторону Горинска. И на этот раз на стационарном посту ГИБДД их не остановили. Инспекторы не считали нужным связываться с сынком главы местной администрации, славившимся своим барским самодурством. Проезжая мимо милиционеров, Фома довольно улыбался. Знают мусора свое место! Знают! Так и должно быть. Все в городе должны знать, кто их истинный хозяин! Молодец пахан, сумел подмять под себя район! Да так, что никто и вякнуть не может. О Кузьмичеве молодой подлец не вспомнил. Иначе его настроение тут же изменилось бы. И Фома не пребывал бы в полупьяной эйфории. Но у старшего лейтенанта сегодня был выходной. И испортить кайф Фомину было некому.

ГЛАВА 4

Седьмого августа, в четверг, в 7.45 Кузьмичев прибыл на стационарный пост. Сегодня он являлся старшим наряда, и службу предстояло нести на перекрестке четырех дорог. К 8.00 прибыли напарники сержант Губин и рядовой Андрей Торин. Сержант попросил Кузьмичева отойти в сторону.

Отойдя за здание к стоянке задержанных и аварийных машин, Губин обратился к офицеру:

– Кузьмич, вчера вечером ко мне подвалили мальчишки Фома.

– Да? Кто именно и что они хотели?

– Их было трое, главным – Урод.

– Интересно! Что дальше?

– Я Кулагина еще по школе знаю. Подловатый пацан был. Да и сейчас не лучше. Но косит под крутого.

– Ближе к теме, Максим!

– Ну так вот, встретили они меня возле дома. Поздоровались вежливо. Я спросил, какого черта им надо. Урод ответил – небольшую информацию за хорошую плату. Хотел послать их куда подальше, потом спрашиваю, что за информация им интересна. Урод отвел в сторонку и отвечает: да так, пустяки. Подробности нашей встречи в последнем дежурстве с автопоездом дагеров, из которого ты Ленку Корму ссадил.

Кузьмичев внимательно посмотрел на сержанта.

– Так конкретно о Корме и спросил?

– Да!

– Что ты поведал Уроду?

– А че я мог ему поведать? То, что ты высадил проститутку лишь ради ее безопасности, провел воспитательную работу и велел вернуть Корму в город, что я и сделал.

– И все?

– Не совсем. Урод спросил, о чем ты беседовал с Коровиной. Я ответил: «Не знаю». Я же действительно не знаю, что ты втирал этой шлюхе.

– Что Урод?

– Ничего! Попытался сунуть мне сто рублей. Я не взял. Они и отвалили.

Старший лейтенант задумался. Ненадолго. Почему Фому встревожил его разговор с Кормой? Бойтся, та проговорила об истинной роли сына главы администрации в криминальных делах города? Но он практически не скрывает этой роли, ведя себя нагло, цинично. С неким вызовом. Мол, смотрите, какой я, что хочу, то и ворочу, и никто и ни хрена мне сделать не может. Отчего же сейчас, после пустякового случая с проституткой засуетился? На этот и многие другие вопросы ответ может дать только он, Фома. А спросить этого мерзавца напрямую невозможно. Пока невозможно.

Кузьмич взглянул на Губина:

– Добро, Максим! Информацию к размышлению принял. Посмотрим, что дальше будет. Кстати, ты что в субботу вечером делать собираешься?

Губин пожал плечами:

– Не знаю. Как-то не думал об этом. А что?

– На рыбалку не хочешь съездить? На торфяное озеро?

– А почему не на Оку?

– На озере спокойнее. И места красивее.

– Это правда. Но точно сказать не могу. Из Переславля Ольга приехать на выходные может. Ну а не приедет, почему не порыбачить?

Кузьмич знал, что у Губина есть невеста по имени Ольга, студентка Переславского медицинского университета. И понимал подчиненного.

Максим спросил:

- Кого еще думаешь взять с собой?
- Василия Белугина, соседа.
- Ясно! Короче, Кузьмич, все будет зависеть от Ольги.
- Понятно. Ну, иди на пост, я сейчас подойду.

Отправив сержанта на перекресток, старший лейтенант обошел стоянку задержанных и аварийных машин, осмотрел, не поврежден ли сетчатый забор. Ограждение находилось в полном порядке. Офицер вернулся к посту. И началась служба. Днем нести дежурство было намного легче, чем ночью. Во-первых, постоянно заняты. Транспортный поток через Горинск днем шел достаточно плотный. Во-вторых, днем и время быстро летело, не то, что ночью, когда в вынужденном безделье каждую минуту считаешь! И в-третьих, комары, которые в этом году появились необычно рано, не так досаждали. И это обстоятельство немаловажное. Кто сталкивался с ордами этих кровососов и находился среди них часов десять, знает, что это за «удовольствие».

Дежурство уже подходило к концу. Вдруг к дорожной забегаловке, что стояла метрах в ста от поста и откуда к транзитникам подсаживались дорожные проститутки, через автозаправочную станцию, минуя пару инспекторов, подъехала новая «десятка» в сопровождении «девятки».

К Кузьмичеву, курившему возле урны, подошел Губин. Указал на легковушки:

- Фома прикатил. Вместе со своими отморозками. Урод или Бык в их числе, точно.

Старший лейтенант, докурив сигарету, бросил ее в урну, ткнув пальцем в мундир Губина:

- А ведь на выезде из АЗС «кирпич» висит! Не так ли?
- Так точно. Висит.
- Фома же к кафе проехал прямо под знак. Так?
- Так!

– Готовь «Волгу». Если этот ублюдок тем же путем решит вернуться в центр или рюхнет по объездной трассе, начнем преследование. Штраф оформим. Ну, а коли через пост пойдет, нам лучше. Ты следи за их тачками. Окажутся на посту – тормози!

Сержант спросил:

- А если не остановятся?
- Автомат тебе для чего на плечо повесили?
- Че, стрелять, что ли, в них?!
- Стрелять не придется. Не та это публика, чтобы на ствол открыто идти. Достаточно угрожающего движения, остановятся. Хотя сделаем так. Ты следи за ними и, как только отойдут от кафе, дай сигнал мне. Остальное сделаю я сам! Все понял?

– Понял! Только охота тебе связываться с ними? Фому все одно серьезно не зацепить. Папа из любой ситуации вытащит. Да еще тебя и унизит.

Кузьмичев проговорил:

- А вот это еще как сказать! Унизить себя я ни одной падле не позволю! Все, Максим, иди, проверь «Волгу», и на стрем! Твоя цель – тачки Фомы. Вопросы?
- Нет вопросов!
- Работай, сержант!

Старший лейтенант вышел на пяточок перед постом, поигрывая жезлом. Невольно Кузьмич бросал взгляд на придорожную забегаловку, у которой скопилось приличное количество грузовых машин и откуда до сих пор не отъехали ни «десятка» Фомы, ни «девятка» его бригады. И только когда до смены осталось чуть больше получаса, сержант Губин позвал Кузьмичева, досматривавшего один из многих за день транзитный грузовик:

– Наши машины отошли от кафе.

Старший лейтенант отдал водителю «МАЗа» из Самары документы и, пожелав тому счастливого пути, вышел на пяточок, к сержанту.

– Засуетились, говоришь?

– Ага! Вон, у тачек стоят, видишь?

– Вижу. «Волга» готова?

– На парах стоит!

– Хорошо.

Но применять служебную машину, как и преследование нарушителей правил дорожного движения, старшему инспектору не пришлось. Фома вывел свою «десятку» на шоссе, мордой к посту. За ним двинулась «девятка».

Кузьмичев, убедившись, что местные бандиты собираются вернуться в город через пост, удовлетворенно крикнул:

– Отлично! Ну, давай, Фома, познакомимся лично!

Фомин-младший не ожидал, что его могут тормознуть на посту, поэтому на отмашку сержанта ГАИ, приказывающую водителю остановиться, не обратил никакого внимания, напротив, увеличив скорость, включил левый поворот, намереваясь, пройдя по кругу, ехать в Горинск.

Неожиданно на середину дороги вышел другой милиционер, и ствол его автомата был направлен на «десятку» сына главы администрации. Вооруженная фигура быстро приближалась и не имела, судя по всему, ни малейшего намерения уходить в сторону. Фоме ничего не осталось делать, как резко затормозить. «Девятка» едва не въехала в задний бампер новенькой «десятки».

Фомин-младший высунулся из окна, проорав:

– Какого черта, инспектор? Под колеса захотел?

Офицер кивнул Губину:

– Сержант, проверь второй автомобиль!

Сам же направился к «десятке».

Подойдя представился:

– Старший лейтенант Кузьмичев. Прошу сдать машину к зданию поста.

Фомин полупьяным взглядом окинул инспектора, переспросив:

– Кузьмичев?

– Так точно, господин Фомин! Вы удивлены?

– Нет!

– Тогда машину к посту, быстро!

Фома, грязно выругавшись, резко подрулил к посту, остановившись в нескольких сантиметрах от бордюра, вышел из «десятки», с силой хлопнув дверкой:

– Чего тебе надо, Кузьмичев?

– Прошу общаться на «вы» к представителю власти.

Фома рассмеялся:

– Чего? Представителю власти? Это кто здесь представитель власти? Что-то я такого не наблюдаю.

Кузьмичев не обратил внимания на реплику Фомина.

– Документы!

Фомин вновь переспросил, на этот раз без смеха:

– Чего? Документы? Может, еще чего? Ты что, старлей, не видишь, с кем разговариваешь? Ты же знаешь, кто я? Борзеешь, инспектор.

На скулах Кузьмичева заиграли желваки. При желании бывший десантник-разведчик мог одним ударом заставить молодого наглеца надолго замолчать, но сделать этого не имел права.

Он посмотрел на подонка, проговорив:

– Я вижу, КТО передо мной! Необразованная, невоспитанная, наглая и пьяная личность. Добавлю, пьяная личность за рулем! Так что еще раз говорю вам, господин Фомин, документы к досмотру!

Фомин усмехнулся. Зло, угрожающе.

– Вот ты как, старший лейтенант? Что ж, в таком случае скажу, что права и все бумаги на тачку забыл дома, по одному известному тебе адресу. Можем проехать туда.

– Папой прикрываешься, сопляк?

– Ты слова-то подбирай, инспектор! Короче, или ты отваливаешь от меня, или я звоню кому следует. Не хочешь сам отпустить, будь уверен, тебя заставят сделать это!

Кузьмичев отрицательно покачал головой:

– Сомневаюсь.

И тут же подозвал к себе Андрея Торина:

– Рядовой, ко мне!

Работавший первый год в милиции крепкий парень подошел к начальнику:

– Слушаю вас, товарищ старший лейтенант!

Офицер указал на Фому:

– Узнаешь гражданина?

– Конечно! Кто ж сына главы администрации не знает?

– Осмотри салон «десятки», принадлежащей Фомину. На предмет наличия или отсутствия документов, удостоверяющих право собственности данного гражданина на автомобиль, а также удостоверения, разрешающего управление транспортным средством.

Фомин процедил:

– Это обыск. Какое ты имеешь право, инспектор, досматривать мою машину?

Кузьмичев, подтвердив приказ Торину, приблизился к Фоме.

– Я не только осмотрю ваш автомобиль, господин Фомин, но также и «девятку» с людьми, вас сопровождающую. А после этого вы будете доставлены в районную больницу для проведения обследования на наличие в организме алкоголя. И в завершение нашей сегодняшней встречи будет составлен протокол о вашем недопустимо оскорбительном поведении при общении с находящимися при исполнении служебных обязанностей сотрудниками милиции, который, будьте уверены, ляжет на стол районному судье. А если надо, то и областному. Ясно вам, Александр Сергеевич?

Фома вновь сплюнул на асфальт.

– Дурак ты, старлей!

Взгляд Кузьмичева словно прожег бандита. Но и на этот раз офицер сдержался. Он не имел права физически воздействовать на ублюдка, оскорбляющего его, не проявляя при этом никаких признаков прямой агрессии. Дернись Фома на Кузьмичева, тогда другое дело. А так... Инспектор, указав на плевок, проговорил:

– Вытри!

– Что?

– Плевок вытри! Не дома! Здесь территория поста дорожно-патрульной службы.

Фомин скривил физиономию:

– Может, еще что сделать? Ботинки тебе почистить? Шел бы ты, инспектор!

Кузьмичев схватил молодого наглеца за рубашку, процедив:

– Сказал, вытри! Или сейчас мордой отшлифуешь асфальт.

Фомин, нервно ухмыльнувшись, растер полуботинком плевков.

В это время из салона показался Торин.

Кузьмичев спросил:

– Ну, что, Андрей?

- Есть и права, и паспорт транспортного средства. В бардачке лежали.
- Хорошо, дай-ка их мне!

Рядовой передал старшему лейтенанту документы Фомина. Кузьмичев обратился к Губину:

- Что у тебя, сержант?
- Компания во главе с неким Быковым, пьяна в стельку.
- Водитель тоже?
- Все пьяны!
- Хорошо!

Начальник наряда включил рацию:

- Пост вызывает Первого!
- Первый слушает вас!

– Старший лейтенант Кузьмичев. У меня тут два пьяных водителя и группа агрессивно настроенных, также пьяных, молодых людей. Все наши местные. Прошу прислать наряд для сопровождения их на экспертизу и для дальнейшего определения по назначению!

- Понял тебя, Кузьмич. Высылаю группу.
- Жду! Конец связи.

Фомин сощурился:

– Ну, Кузьмичев, ну, мусор, считай, что занозу в задницу ты получил приличную. Отдай права!

- Разбежался! Забудь о них.
- Да? Ты сам завтра мне их домой привезешь!
- Посмотрим.

Дежурная оперативная группа прибыла на пост в считанные минуты. Их командир, капитан, узнав сына главы администрации, отвел Кузьмичева чуть в сторону:

– Кузьмич, уверен, что поступаешь правильно? Согласен, что этих козлов надо наказывать, но не вмешается ли Фомин-старший? Он дурак еще тот!

- Коля! Выполняй свою работу.
- Я-то выполню. Но как бы тебе не досталось.
- За меня не беспокойся.
- Смотри!

И, обернувшись к своим бойцам, капитан приказал:

– Внимание, молодняк проверить на наличие оружия и грузить в мусоровоз. Быстро! Кто дернется, обрабатывать в жестком режиме! Начали.

Оперативники уложили компанию Фомина, с главарем во главе, на асфальт, профессионально и достаточно бесцеремонно произвели обыск. Затем перепачканных молодцов затолкали в клетку, вмонтированную в специальную «Газель». Капитан козырнул Кузьмичеву, и оперативная группа отбыла от поста. Старший инспектор, отдав команду загнать автомобили Фомина и Быкова на штрафную площадку, закурил. Кузьмич был удовлетворен, хотя и понимал, что завтра день ему выдастся сложный. Папенька однозначно вступится за сыночка. И все шишки посыплются на него, старшего лейтенанта Кузьмичева. Ну и пусть! Главное, он показал этому наглому хозяину жизни, что его власть среди отморожков – пшик, пыль! Как бы то ни было и чем бы ни закончился этот конфликт, урон авторитету Фомы нанесен солидный.

Прибыла смена. Наступило время сдавать пост.

Кузьмичев поднялся в верхнее помещение. Надо было заполнить журнал передачи дежурства и составить рапорт о всех произошедших за смену происшествиях.

Прапорщик Пахов, прибывший менять Кузьмичева, сразу же поднялся в дежурку.

Кузьмичев корпел над журналом.

Пахов присел напротив старшего лейтенанта, закурил.

– Да, Вова, шумиху ты поднял знатную!
Владимир поднял глаза на прапорщика:
– Ты уже в курсе, Дима?
– В курсе! Оперативный доложил обстановку. И, между прочим, весьма хреновую для тебя обстановку.

Кузьмичев ответил спокойно:
– Ничего, Димыч, прорвемся.
– Мне бы твою уверенность!
– Не волнуйся. Все будет нормально. Так, рапорт написал, журнал заполнил, принимай дежурство, да отвалю я. Сдам оружие – и на боковую. Что-то устал сегодня.

– Завтра не так устанешь!
– До завтра дожить еще надо.
Пахов приблизился к другу:
– Вот-вот, Вова, в самую точку ты попал. До завтра еще дожить надо!
– Нам ли, Дима, кого-то бояться? Лично я свое давно отбоялся. Теперь пусть другие меня остерегаются. Такие, как Фома со своими шакалами. Вот так-то, прапорщик. Ставь подпись!

Пахов расписался в приеме дежурства.

Кузьмичев с Губиным и Ториным на «Волге» отправились в райотдел милиции, сдать оружие.

Домой старший лейтенант прибыл без четверти девять вечера. Наскоро поужинал, поинтересовался здоровьем Анны Ивановны и, сославшись на недомогание, ушел в спальню, устроенную в зале за фанерной перегородкой. Через полчаса Кузьмич спал сном человека, достойно, по совести, выполнившего свою работу.

Последствия стычки на дороге не замедлили вскоре сказаться. Утром к дому Кузьмичева подъехал служебный «УАЗ» районного отдела внутренних дел. Сержант-водитель сообщил вышедшему навстречу Кузьмичеву, что того срочно вызывает начальник милиции. Владимир усмехнулся:

– Вот как? Даже машину прислал?
– Прислал! – ответил водитель, не понимая хорошего настроения инспектора ГИБДД. И добавил: – Долматов очень просил вас, товарищ старший лейтенант, поторопиться.
– А я готов. Поехали!
– Переодеваться не будете?
– Нет! Не во что. Жена мундир постирала, второго не имею.

Вскоре «УАЗ» доставил Кузьмичева в райотдел, находящийся прямо напротив здания бывшего райкома партии, а ныне администрации района. Старший лейтенант прошел в приемную начальника РОВД. Увидев его, секретарь Зоя тут же сообщила о прибытии Кузьмичева начальству и услужливо открыла перед инспектором дверь.

Кузьмичев вошел в обширный кабинет подполковника Павла Егоровича Долматова, с которым его связывала долгая служба в Горинске.

– Здравия желаю, товарищ подполковник!
– Здравствуй, Кузьмичев! Что это ты в штатском?
– Форма во дворе сохнет. Почти после каждого дежурства стирать приходится. Дорога!
– Ладно. Проходи, присаживайся!

Кузьмич прошел к столу совещаний, присел с краю.

– Как понял, разговор предстоит не пятиминутный?

Подполковник кивнул головой:

– Угадал.
– И, наверное, касаться будет вчерашнего задержания Фомина-младшего?
– Именно этого он и будет касаться.

Долматов обошел стол, присел напротив Кузьмичева, положив перед собой черную кожаную папку. Внимательно посмотрев на подчиненного, спросил:

– Кузьмич! Тебе доставляет удовольствие попадать в конфликтные ситуации?

– Странный вопрос. Кому может доставлять удовольствие конфликт? Только прирожденному интригану да человеку, у которого явные напряжения с головой. Я себя пока к таковым не отношу.

– Да? А я вот склонен считать иначе.

Кузьмичев достал пачку «Примы» с зажигалкой.

– Курить можно?

Долматов, пододвинув к офицеру ГАИ хрустальную пепельницу, разрешил:

– Кури. Только дым в сторону, раздражает он меня!

– Учту.

Владимир закурил.

Долматов забарабанил пальцами по крышке длинного офисного стола.

Кузьмичев спросил:

– Чего резину тянете, товарищ подполковник? Давайте, выкладывайте все по теме! Я к разговору готов.

Но Долматов не спешил.

– Кузьмич! Сколько тебе до дембеля осталось?

– Меньше месяца.

– А не хочешь два дня?

– Можно и так. Выслуга есть, пенсия будет. Можно и через два дня.

Подполковник наклонился над столом, приблизившись к подчиненному:

– А если без пенсии?

– Ну, это вы уже через край хватили! Вас что, уже Фомин-старший с утра вздрючил?

– Ты говори, говори, да не заговаривайся. Все же перед начальником сидишь.

– Да бросьте вы, подполковник! Вам, как и мне, тоже в этом году на заслуженный отдых.

И совсем скоро мы станем просто Кузьмичами и Егорычами. Или думаете удержаться в кресле? Бесполезно. Ваш заместитель не зря лично шашлыки Фомину на пикниках жарит, а замполит тосты пишет, когда нашему доморощенному князьку предстоит в область на фуршет ехать!

Долматов откинулся на стуле:

– Речь о тебе, не обо мне. И хватил не я, а ты вчера на посту!

– Что же, интересно, я такого противозаконного совершил, чтобы на меня наезжать таким образом? То, что высадил из-за руля пьяных водителей? И остудил пыл не в меру агрессивной толпы таких же пьяных пассажиров? Или то, что Фомина задел?

Подполковник изобразил удивление:

– Пьяных? А кто определил, что названные тобой люди находились в состоянии алкогольного опьянения?

Кузьмичев затушил окурок:

– По-вашему, я настолько нюх потерял, что не могу отличить пьяного человека от трезвого? К тому же задержанных оперативная группа повезла на экспертизу.

– Вот, Кузьмичев! Именно, на экспертизу, которая и вправе установить состояние физического лица на момент задержания. А врачи, друг мой, выполнили свою работу как надо.

Подполковник раскрыл папку, вытащив оттуда стандартный лист бумаги.

– Это заключение экспертизы! По ее результатам, Фомин, Быков и другие, оказывается, как ни странно, вчера в 19.55 были трезвыми, как стеклышки.

– Не понял?

– Я неясно выразился? На, сам прочитай заключение. А это, Владимир Кузьмич, уже официальный документ, и твои слова против него и гроша ломаного не стоят.

Кузьмичев бегло прочитал заключение экспертизы. Бросил лист начальнику РОВД.

– Да. Реально работают ребята. Ловко! Пишут то, что им диктуют! Интересно, заплатил за фальшивку Фомин или нахрапом своего добился?

– Это без разницы! Главное, документ налицо и он переводит все твои действия в плоскость незаконных. С сильным оттенком явного превышения власти. Что скажешь?

– Ничего. Плевать я хотел на эту фикцию!

– Да-а-а? Может, и на заявление потерпевших от твоего произвола в прокуратуру тоже плюнешь?

Кузьмич усмехнулся:

– А что, и такое имеется?

– Представь себе, имеется! И районный прокурор уже прислал письменное распоряжение провести в отношении тебя служебное расследование. Пока служебное расследование!

Старший лейтенант вновь потянулся к пачке «Примы».

– И кто же будет проводить расследование? Майор Григоренко? Заместитель по воспитательной работе?

– Да! И тебе это прекрасно известно. Кстати, прокурор интересовался, где права Фомина-младшего и Быкова?

– Быкова при мне. Их с протоколом передам начальнику отделения ГИБДД, а Фомина – не знаю.

– Как это не знаешь? Фомин-младший утверждает, что ты изъял удостоверение и у него.

– Изымал, не отрицаю, но временно. Затем вернул. Или он по пьянке не помнит, куда дел их? Тогда это его проблемы.

– Кузьмич, ты что, не понимаешь, насколько серьезна обстановка?

– Отчего ж? Все я понимаю. Только, товарищ подполковник, не будет по-ихнему! Понятно? Не будет!

Долматов повысил голос:

– Ты с кем, старший лейтенант, разговариваешь? Тоже мне, герой-одиночка нашелся! Против кого выступаешь? Тебя же в порошок сотрут! Ты же против системы прешь!

Кузьмичев поморщился:

– А чего это вы разволновались, Павел Егорович? Ничего мне эти хозяева жизни не делают. Отдавайте команду на проведение служебного расследования. И посмотрим, что из этого выйдет!

– А я тебе прямо сейчас скажу, что выйдет. В лучшем случае отправят тебя на пенсию без малейшей перспективы в дальнейшем где-либо в районе найти работу. Вот что из всего этого выйдет!

– Посмотрим.

– Ну ты точно с пулей голова!

– Я это уже о себе слышал.

– Ты не оставляешь мне выбора.

– У вас его изначально не было. Фомин не предоставил выбора! Он просто отдал приказ своим вассалам сожрать меня! И все. О каком выборе вы говорите, подполковник?

Долматов положил заключение экспертизы в папку, проговорив:

– Есть выход из создавшегося положения!

– И какой?

– Иди к Фомину и покайся! Отдай права сына, выслушай гневную речь, повинись. И дело закрою. Я, в свою очередь, тоже слово замолвлю.

– Вот как? Интересно, когда же я дал повод считать себя лизоблюдом Фомина? С каких пор вы изменили мнение обо мне?

– Ничего я не менял!

Кузьмичев встал:

– Так какого хрена предлагаете мне, афганцу, разведчику, кавалеру боевых орденов, каяться перед каким-то местным самодуром? И в чем каяться? В том, что я поступил по закону? По совести? В этом не каются! Короче, подполковник, вижу, и вы работаете на Фомина. Обидно! Но... Можете начинать расследование, к Фомину я не пойду.

Долматов отвернулся к окну.

В наступившей тишине голос замполита прозвучал непривычно громко:

– Разрешите, Павел Егорович?

И не дожидаясь ответа, майор Григоренко вошел в кабинет, воскликнув:

– О! И сам господин Кузьмичев здесь? Это хорошо!

Он повернулся к начальнику РОВД.

– Мне звонил районный прокурор. Сказал, будто предписание в отношении нашего доблестного Кузьмича отправил. Могу я с ним ознакомиться? А то как-то неудобно получается! Семен Львович меня спрашивает о каком-то служебном расследовании, а я и ответить ничего не могу!

Долматов молча раскрыл папку, бросил на стол предписание прокурора.

– На, майор, читай!

Григоренко поднял документ, внимательно ознакомился с ним, посмотрел на Кузьмичева:

– Сколько раз я предупреждал вас, Владимир Кузьмич, о том, что своеволие допускаете. Самоуправством занимаетесь. Не послушали. Вот и результат.

Майор перевел взгляд на начальника РОВД:

– Когда прикажете начать служебное расследование, товарищ подполковник?

Вместо него ответил Кузьмичев:

– Немедленно, товарищ майор. Думаю, оно не займет много времени.

Заместитель по воспитательной работе повысил голос:

– Вам бы, старший лейтенант, следовало помолчать! Вас никто ни о чем не спрашивает.

Так как, Павел Егорович?

Долматов прошел к рабочему столу, сел в кресло.

– Сегодня и начинайте.

– Есть, товарищ подполковник!

Майор повернулся к Кузьмичеву:

– Прошу следовать за мной, товарищ старший лейтенант.

Кузьмич поднялся. Вышел вслед за замполитом отдела.

Когда за офицерами закрылась дверь, подполковник Долматов с силой ударил кулаком по столу. Кузьмичев вывел начальника РОВД из себя.

Ишь ты! Заявил, что он, Долматов, мол, работает на Фомина. Да, работает, а как иначе? Фомин – власть, ему народ пост главы администрации доверил. Не нравится подполковнику, что творится в районе? Не нравится! Ну и что? Что изменишь? Против силы не попрешь. В момент из органов вышибут. Несмотря на то, что начальник районной милиции непосредственно не подчинялся местным властям. У Фомина хватит связей воздействовать на Долматова и по линии МВД.

И что потом? Опала? И это в конце службы? Нет уж! Если Кузьмич такой упертый, то пусть один и бьется рыбой об лед. А Долматов спокойно жить хочет, без проблем! И врагов ему не надо. Особенно на гражданке. Да и работа каким-нибудь клерком в районной администрации не помешает. Фомина сковырнуть тяжело, крепко сидит, многие от него кормятся. Так и будут держать его в кресле горинского хозяина. А Долматов рядом. И плевать на принципы, их на хлеб не намажешь, в карман не сложишь. Сейчас не то время, чтобы выступать против

властей. Оно и раньше было небезопасно, а сейчас вообще губительно. Сметут в два счета. И сомнут, в грязь подобное втопчут.

Подполковник закурил, нервно делая затяжку за затяжкой.

Но ничего. Выстоим! Отправим Кузьмича на пенсию, спокойнее в отделе станет. Хотя, надо признать, держится старший лейтенант молодцом. Чувствуется армейская, боевая закалка, только кому это все нужно? Это принципиальное, ничего, кроме проблем, не приносящее геройство? Не хочет Кузьмичев понять, что борцы за справедливость нынче не в почете, они на смеху! И под властью у тех, кто вертит законом, как баранкой собственного лимузина. А Долматову это не нужно! Он сам себе на уме. Знает, чего хочет! И получит то, что хочет! И усилий для этого прикладывать не надо. Делай то, что надо главе администрации, и все будет в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.